

Тропы судьбы

Камень Демиурга
Книга вторая

16+

Ирина Енц

Ирина Енц

**Тропы судьбы. Камень
Демиурга. Книга вторая**

«Автор»

2022

Енц И. Ю.

Тропы судьбы. Камень Демиурга. Книга вторая / И. Ю. Енц —
«Автор», 2022

Вторая книга из цикла «Камень Демиурга» продолжает повествовать о приключениях Катерины и Олега. Тайные общества, слежки, погони, потери и расставания, любовь и преданность, и, конечно, извечная борьба со Злом. Всего будет достаточно. Олега по решению Совета отправляют в дальнюю дорогу, Катерина остается в тайге. Но древняя секта «Копейщиков» не оставляет свои попытки добраться до Камня Демиурга, который по их представлениям, помимо тайных знаний, может даровать власть и вечную жизнь. Катерине с Олегом вновь придется столкнуться со множеством лишений и испытаний. Сумеют ли они выстоять в этой борьбе, сохранить свою любовь и защитить знания древней Северной Цивилизации от жадных лап «Копейщиков»? Только тайга будет знать исход этой битвы.

© Енц И. Ю., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	46
-----------------------------------	----

Ирина Енц

Тропы судьбы. Камень Демиурга. Книга вторая

Глава 1

Я стояла в темной комнате своей квартиры на пятом этаже, окна которой выходили во двор, и со смешанным чувством тревоги и недоумения, осторожно смотрела вниз из-за тюлевой занавески на парковку машин внизу. Рядом с моим, побитым лесными дорогами, старичком-УАЗиком, стоял новенький джип «Мерседес» с тонированными стеклами, посверкивая в свете единственного фонаря своими полированными черными боками. Тревога была вызвана тем, что эта машина меня преследовала в течении всей недели, пока я находилась в городе, куда бы я не поехала. Это наводило меня на невеселые размышления. А недоумение было вызвано тем, что слежку устроили на такой броской машине. Это было равносильно тому, что они ехали бы за мной, и орали в громкоговоритель: «Мы здесь!!!».

Во дворе, на стоянке рядом с моей «ласточкой» стояли: один «Москвич», пара «Жигулей», и самой шикарной была «Волга», принадлежавшая моему соседу с шестого этажа, работавшему в какой-то торговой фирме. «Волга» была довольно старенькой, но ухоженная, еще в очень хорошем состоянии, и вызывала тихую зависть соседей, у которых были более скромные «лошадки». А что бы вы хотели в наше время увидеть в «спальном» районе, «Ролс-Ройсы» и «Ламборджини»? Перестройка подкосила людей, и тут любая железяка, у которой было четыре колеса и мотор, была за праздник, и, одновременно, за мучение для его хозяина.

На фоне всего этого, слегка обветшавшего стада отечественного автопрома, новый «Мерседес» смотрелся просто вызывающе. Я бы даже сказала, как-то неприлично. Все эти мысли бродили в моей голове безо всякого толка. На главный вопрос я так и не сумела найти ответа. А звучал он вполне тривиально. Какого черта этим, в «Мерседесе», от меня понадобилось?! Что это точно не друзья, сомнений не было никаких. У моих друзей не было подобных автомобилей. А врагов, с такими замашками, в таких машинах у меня, вроде бы, тоже на горизонте не просвечивало. По крайней мере, до этого времени, точно! Во всяком случае, я о таковых ничего не знала. Пойти, что ли спросить, чего они в нашем дворе забыли? Но, несмотря на здравые (как мне казалось) идеи, я продолжала стоять и наблюдать за машиной. Вот, стекло рядом с водителем плавно поползло немного вниз, и я увидела руку с сигаретой. Понятное дело, разглядеть кроме огонька сигареты, я не могла ничего, будь я хоть совой. А совой я, все же, не была.

Понаблюдав еще минут пять за «Мерседесом», я чертыхнулась. В другое время, я бы, возможно, просто плюнула на весь этот цирк, и спать отправилась, но, сегодня я должна была выехать к себе на базу, в лес. И мне очень не хотелось тащить за собой хвост к моим мужикам. Хотя, я подозревала, что стоит мне выехать на трассу в это время, и там все тайны как раз-таки и раскроются. Ведь для чего-то они таскались за мной все это время? И шума им не надо. А на трассе сейчас от силы две машины в час. Обогнать мою «ласточку», или того хуже, загнать меня в кювет, такой машине, как джип, ничего не стоит. Нет, конечно, мой УАЗик мог дать фору многим крутым автомобилям, типа этого джипа, но только на лесной дороге, где этой самой дороги и нет вовсе. А на трассе, это был просто старенький УАЗик, возраст которого я бы с большим трудом могла назвать. А потом, если такое случится на трассе, я что, там от них отстреливаться должна? Да и что-то мне подсказывало, что у ребятишек, сидящих в мерседесе, было чем мне ответить. Ох ты, Господи... Куда я опять умудрилась вляпаться?!

Я, оторвавшись от окна, еще немного побродила по темной квартире. Свет включать мне совсем не хотелось. Ехать-то было надо, мужики ждать будут! Ну что... Кажется, пришло время

поглядеть на что я способна, и как я усвоила уроки старца Прона. Вариантов было два. Первый: попробовать нагнать на сидящих в машине сон. Тут были как свои плюсы, так и минусы. Во-первых, я не знала сколько человек сидит в этом чертовом «Мерседесе», и моих, начинающих пробуждаться, способностей может просто не хватить, чтобы усыпить всех. А, во-вторых, как я смогу узнать, получилось у меня или нет? Тут никаких гарантий. Что дальше? Дальше проще. Нагнать морок. Это у меня уже выходило неплохо, правда только еще на небольшом количестве людей. Хотя, Прон говорил, что для качественного морока количество «зрителей» значения не имеет. Ну, что ж, попробуем. Все равно я другого выхода пока не видела.

Подхватив на плечо рюкзак (все остальное уже было загружено в машину еще с вечера), закрыла дверь на ключ, и начала медленно спускаться по ступеням вниз, игнорируя лифт. Кто их знает, вдруг кто-то из предполагаемых недругов затаился в темноте? Спустившись до первого этажа, внимательно прислушалась. В подъезде царила тишина. И не мудрено, два часа ночи, а людям завтра с утра на работу. Нет, не похоже, что в подъезде кто-то был. Подошла к окошку в коридоре первого этажа, и осторожно выглянула. «Мерседес» был на прежнем месте, окно приоткрыто, ребята курят. Я закрыла глаза и сосредоточилась. Стала представлять себе картину. Ночь. Двор. На слабом ветру раскачивается одинокий фонарь. Бледный желтоватый свет от него мечется с периодичностью маятника по грязной снежной каше на дороге. Вот в ряд выстроились машины. «Москвич», «Жигули» и красавица «Волга». Следом за «Волгой» притулился к обочине старенький УАЗик, лобовое стекло слегка занесено снежной крупой. Во дворе никого нет, ну просто, ни единой души. Пусто, холодно, неприятно.

Я осторожно открыла дверь в подъезде стараясь держать в голове картину пустого двора, и совсем не думая о «Мерседесе», и о людях в нем сидящих. Подошла к УАЗу, открыла ключом дверь, закинула рюкзак на соседнее сиденье. Села и запустила двигатель. Теперь, в голове нужно было удержать картину сиротливо стоящего УАЗа, едва занесенного мокрым снегом. Думать о том, «как там», я себе строго настрого запретила, сосредоточившись только на картине неподвижно стоявшей моей машины. Минут пять прогревала двигатель, а потом, переключив скорость, плавно отпустила педаль сцепления и слегка нажала на газ. УАЗик, послушный моей руке ловко объехав стоящую впереди «Волгу», выехал на дорогу. Я все еще продолжала держать нужную картинку стоящей машины у себя в голове. От напряжения на висках выступили капельки пота. Но расслабляться я себе не позволила. Машина повернула в арку и уже через минуту я неслась по ночному городу, слегка поплутав по небольшим улочкам, прежде чем выехать на проспект, ведущий к выездному мосту через реку. Тут я позволила себе слегка выдохнуть, и стала смотреть в зеркало заднего вида. Погони не было, но до выезда из города расслабляться было нельзя.

Хоть я и пыталась себя приструнить, но внутри меня все ликовало. Судя по отсутствию за моей спиной галогенового света фар от джипа, у меня все получилось! Думаю, Прон мог бы гордиться своей ученицей. Впереди замаячил мост, после которого стоял стационарный пост ГАИ. Город остался позади. Я очень надеялась, что ребятам постовым в такую погоду не очень хотелось торчать на улице, и слегка расслабилась, поздравив себя с удачно проведенной операцией по отсеканию хвоста. Но, не зря у нас в народе говорят, что цыплят по осени считают, или, не говори «гоп»... Короче, я могла бы припомнить еще пару тройку подобных высказываний, если бы у меня для этого было время.

На посту, к моему глубокому сожалению, не спали. И бело-черная полосатая палочка жезла замаячила в пятидесяти метрах передо мной. Какое-то недоброе предчувствие кольнуло меня, словно шилом в известное место, и я, включив сигнал поворота, снизив скорость, съехала в сторону, стоявшего на обочине, хмурого дядьки в полушубке и с бляхой на груди.

Гаишник представился капитаном каким-то там. А я про себя присвистнула. На посту среди ночи, и целый капитан!! Весьма вежливо поздоровалась, и выдала одну из своих улыбок, припасенных для такого вот случая. Но, увы, на капитана моя улыбка не произвела ника-

кого действия, он только еще больше нахмурился, и протянул руку, намекая, что мне не худо было бы и поторопиться с документами. И это тоже было весьма странно. Хотя, мало ли... Может, человек не выспался, или проблемы на работе, может, с женой или с тещей поругался, а может, просто, терпеть не мог блондинок. Всякое бывает. Гаишник, он ведь тоже человек. Постовой, тем временем принялся тщательно и не торопясь изучать мои документы, словно они были написаны на неведомом ему языке. Это тоже меня слегка насторожило. Я точно знала, что с документами у меня было все в порядке. Но, качать права я себе отсоветовала. Можно, конечно, было и на этого навести морок, но, во-первых, сил на то, чтобы улизнуть от «Мерседеса» я потратила достаточно, и на полноценный морок я была сейчас не способна, а во-вторых, не видела в этом никакой необходимости. Да и зачем, если все в порядке с документами?

Гаишник тем временем стал тщательно сверять мое фото на документе с оригиналом. И как водится, оно мало соответствовало моей теперешней физиономии. Оставшись недовольным лицемерием моих небесных черт, он сердито пробурчал:

– Выйдите из машины и откройте багажник.

Выразив свое недоумение легким пожатием плеч, я вышла из автомобиля, и направилась к багажнику, на ходу пытаясь выяснить, что же такого я сотворила, что подверглась со стороны нашей доблестной дорожной службы такому тщательному досмотру. На мой, почти, невинный вопрос, что, мол, случилось, командир, он буркнул себе в воротник полушубка так, что я едва расслышала:

– Обычная проверка...!

Я открыла багажник, и уже разинула рот, чтобы отпустить какую-нибудь ехидную реплику на тему «не там ищите», но слова застряли у меня в горле. Я увидела их. Да, дураками их назвать было трудно! Подстраховались по всем правилам слежки. Большой черный лимузин стоял, прикрытый от людских взглядов с торца здания контрольного пункта ГАИ. В мозгу тихо прошелестело «Влипла!». Хотя, если бы кто у меня в тот момент спросил, «куда влипла?», вряд ли я смогла ответить. Но, я твердо была убеждена, что «Мерседес» в моем дворе, и черный «крокодил» здесь – одного поля ягоды, как сказала бы моя покойница бабуля.

Пока гаишник с умным видом рассматривал запчасти к пилам и тракторам, канистры с дизельным топливом в моем багажнике, я не сводила взгляд с лимузина. Ждала, наверное, чуда. Что вот, счастье мне улыбнется, и этот «крокодил» не по мою душу! Не дождалась. Двери блестящего чуда раскрылись одновременно с обеих сторон, и оттуда вышли два, таких себе, «бычка». Традиционно, кожаные куртки, бритые затылки, собачьи цепи из золота. Выражение лиц, как у динозавров, которые обнаружили что-то зеленое, но боялись попробовать, а вдруг отравятся.

Я тяжело вздохнула, приготовившись к грядущим испытаниям. А самое обидное было то, что, ведь, ни сном, как говорится, ни духом. Ну, ничего, скоро все прояснится. По крайней мере, я на это сильно рассчитывала. Один из «динозавров» подошел к гаишнику, и со скучающей миной проговорил, растягивая слова:

– Ну что ты, командир, к женщине прицепился?

Гаишник как-то сразу сник, потеряв интерес к моему багажнику, и торопливо сунул мне в руки документы. У меня хватило выдержки спокойно закрыть багажник, словно я тут была одна, и, не обращая внимания на подошедшего «бычка», затрусила к водительской двери. Помню, даже мысль мелькнула, «а вдруг...?». Но тут, сзади послышался скрип тормозов, и на освещенную площадку перед постом ГАИ вылетел уже знакомый мне «Мерседес». Оттуда выскочил запыхавшийся парень, очень юркий, больше напоминающий по своим повадкам мышь, нежели человека, и уставился на мою машину, широко разинув рот. На лице у «динозавра» мелькнула досада. Мне даже показалось, что он сейчас заедет в ухо, подбежавшему товарищу. Но, обошлось.

Танцующей походкой борца, «динозавр» подошел ко мне, и мило улыбнулся. Про такие улыбки моя покойница бабуля говаривала: «Лучше б ты заплакал...». Парень, продолжая демонстрировать мне достижения своего стоматолога, пропел, с неподдельной радостью в голосе, словно, я была его родной тетей (чур меня, от таких «племянничков!!»):

– Здравствуйте, Екатерина Юрьевна! Вам придется проехать с нами!! – На этом его радость закончилась, и он продолжил уже более свойственным для себя жаргоном. – Только, слышь, тетка, трепыхаться не советую. Так и так, толку не будет. А будешь паинькой, никто тебе ничего не сделает. Колымагу свою пока здесь оставь, командир вон, присмотрит. – И обращаясь к капитану задорно так проквашал. – Присмотришь за тачкой, командир? – Гаишник обреченно кивнул головой. Недовольство не его лице было очень красочным, но возражать не посмел. А «динозавр» обрадованно продолжил. – Ну вот, видишь, командир присмотрит! Так что все будет путем. Поехали!!

Похоже, у ребят даже и тени мысли не возникало, что я могу возражать. А я про себя вздохнула. Эх, были бы мы сейчас в тайге, совсем бы другой разговор вышел! Но, что толку жалеть о том, что могло бы быть! Я вообще, терпеть не могла частицу «бы» в своем лексиконе, как и слово «если», впрочем, тоже.

Задавать ребятам глупых вопросов я не стала. Правды все равно не скажут, а вранье мне слушать неохота. Да, и с «шестерками» разговаривать я не любила. Все равно, что свинью брить. Визгу много, а шерсти мало. Жизни моей, похоже, пока ничего не угрожает, так отчего бы не выяснить, что за дела такие вокруг меня твориться стали! Мое молчание слегка озадачило «динозавра», что отразилось на его лице довольно явно. Я только хмыкнула про себя. Ну что ж, ребята, поиграть хотите? Так я к этому всегда готовая!! Меня сопровождали к лимузину (надо же, какая честь!), а тот, что похожий на мышь из «мерседеса» плелся за нами и, шмыгая носом, скулил:

– Слышь, Витек, скажи шефу, мы не спали... Не знаю, как ей удалось смыться. Машина все время была у нас перед носом. Ну, не веришь мне, спроси у Сивка. Слышь, Витек...

Сопровождающий меня «динозавр», по имени Витек, не оборачиваясь, бросил через плечо, как приговор зачитал:

– Вот сам шефу и расскажешь свои сказки! – И распахнул передо мной дверцу машины.

Наверное, он ждал чего-то от меня, но судя по выражению его физиономии, не дождался. Я не упала от окружающего меня счастья в обморок, не стала заваливать его дурацкими вопросами на тему «кто вы такие», или «куда вы меня везете?». Зачем? Жизни моей ничего не угрожало, я это чувствовала, а остальное скоро узнаем. Я расположилась с комфортом на мягком, обитом кожей, сиденье, и прикрыла глаза. Бессонная ночь, некоторое волнение, да еще морок, который я напустила на несчастного «мышья» и его соратников – все это давало о себе знать, усталостью и тяжелой головой. И я решила, что с моей стороны будет разумно использовать каждую минутку, чтобы восполнить потраченные силы. Что-то мне подсказывало, что они мне совсем скоро еще понадобятся. Поэтому, я, не стесняясь, подняла на своем воинском бушлате воротник и устроилась уютно в уголке, с намерением подремать. Мои простые действия, почему-то, вызвали у, сопровождающего меня «динозавра» по имени Витек, недоумение, если не сказать, легкий шок. Не обращая внимания на его, слегка глупое от удивления, выражение лица, я прикрыла глаза, и постаралась отключиться.

Глава 2

Кажется, как ни странно, но мне удалось немного подремать. Лимузин шел мягко, кожаное сиденье было удобным, словно специально созданным вот для таких случаев, и я даже увидела короткий сон. Что снилось, вспомнить не могла, потому что, проснувшись резко от того, что машина остановилась, слегка дернувшись, и сон, напуганный этой резкостью тут-же улетучился. Наверное, водитель не учел нашего гололеда, хотя, точно сказать я бы не взялась. Протерла глаза и посмотрела в окно. В свете множества неоновых, слегка оранжевого цвета,

фонарей (ну, надо же!! А у нас во дворе только один, и тот со «старорежимной» лампой!), я смогла разглядеть весьма помпезное здание из стекла и бетона. «Динозавр» Витек буркнул «Приехали!», и вышел из машины. А я слегка замешкалась. Поправляла куртку, волосы, и еще раз потерла ладонями лицо, сгоняя остатки сна. Мою задержку Витек счел актом вредности (каюсь, малость было) и, обойдя машину по кругу, распахнул дверь с моей стороны, рывкнул, изображая гнев:

– Кому велено, вылезай!!

Я подумала, что все надо доводить до конца, и поэтому, особо не торопилась. Уж коли привезли на такой машине, то могу же я немного и повыделываться. Спустив одновременно обе ноги на, засыпанный мокрой снежной кашицей, асфальт, словно на мне были не ботинки военного образца, а шикарные туфли на высокой «шпильке», слегка потянувшись, расправляя мышцы, и вышла из лимузина. Все, как полагалось приличной женщине. Терпение у парня было явно на исходе, потому что взгляд сделался тяжелым, словно набитый свинцом. Решив, что изводить парня пока достаточно, я проговорила с усмешкой:

– Ну, веда, Миклухо-Маклай...

Мы вошли в огромные стеклянные двери, которые при нашем приближении услужливо распахнулись. Фотоэлементы работали исправно. Огромный холл, приглушенный свет, мраморные полы, два охранника со строгими лицами, рамка, так называемой «безопасности», при проходе сквозь которую, звенит любое железо. Я мысленно усмехнулась. Терпеть не могла снобов. А посему, сейчас устроим маленькое представление. Мой провожатый вынул пистолет из наплечной кобуры и положил рядом на столик, благополучно прошел рамку, и встал монументом, дожидаясь, когда ее пройду я. Сзади в дверях застыл изваянием второй «динозавр», для меня пока, безымянный. Ребятки никак опасались, что я сбегу! Вот умора-то! Степенно прошествовала сквозь рамку. Конечно же, умная техника завершала противным писклявым голосом, который давил на уши. Я непроизвольно сморщилась. Оба охранника приняли боевую стойку, наверное, как учили, и один из них с грозным видом спросил:

– Оружие имеется?

Я захлопала на него ресницами, изображая поруганную невинность. И голосом английской королевы произнесла:

– Да ты что, милейший, совсем ума лишился?! Какое может быть оружие у женщины моего воспитания?! Как вам вообще в голову могло прийти подобное?! – И скорчила презрительную мину слегка скривив губы и вздернув бровь.

Как ни странно, мое поведение вызвало у них легкую оторопь, а в глазах «динозавра» Витька читалось явное сомнение, которое, как лозунг времен социализма, написанный крупными печатными буквами, висел у него на лбу: а ту ли привезли? Но, охранники свое дело знали, и подтянувшись, сделав строгие лица, произнесли, почти хором.

– Будьте добры, снимите... ммм... куртку и пройдите еще раз.

Вежливые обороты их речи, так же, как и их интонации, поразили меня, можно сказать, до глубины души. Могут ведь, когда хотят, стервецы! Я сняла куртку, будто скинув соболью шубу с царского плеча, прошла еще раз через рамку. Она опять взвизгнула пронзительным звуком. Техника – это тебе не человек, ее психологическими фокусами не обманешь. Охрана вместе с Витьком на мгновение зависла. Лихорадочно размышляя, они не знали какое решение принять. Ну, не обыскивать же им меня, в конце концов! А с другой стороны, и пропустить не имели права, босс головенки пооткручивает на раз, ежели что. Я решила пойти навстречу людям, так сказать, помочь им решить их проблему. Небрежным голосом, проговорила.

– А-а-а... Это, наверное, металлическая пластина у меня в голове звенит. – И с невинным видом, спросила, все же, не удержавшись от ехидства. – Голову откручивать будете?

Моей язвительности они не оценили, не до того было ребяткам. Переглянувшись, с некоторым облегчением, мотнули головами, мол, проходите. Я сгребла свой бушлат, и направилась

вслед за «динозавром», довольно улыбаясь. Мой верный друг, охотничий нож так и остался на своем законном месте за голенищем моего высокого зашнурованного ботинка. Виток бодрой походкой затрусил вперед, беспрестанно на меня оглядываясь. То ли опасался, что сбегу, то ли еще чего. Пойди разбери, что у них, у «динозавров», творится в их маленьком мозгу. Второй «динозавр» так и остался у входа. Может ему сюда по должности не положено, шеф не велит, кто их знает, «небожителей» финансового мира. Я шла неторопливо оглядываясь, всем своим видом давая понять, что мне спешить некуда, делая вид, что меня не под конвоем привезли сюда, а просто полюбоваться на красоту архитектуры, и чужое богатство. Ни то ни другое на меня особого впечатления не произвело. Да, собственно, и особой архитектурной изысканностью данное сооружение похвастать не могло. Обычный куб из стекла и бетона. Много денег-мало вкуса. Меня больше увлекали старые дома, особенно деревянные, с узорчатыми наличниками и резными крылечками, в которых чувствовалась душа строителя. А это, так... бутяфория, за которой была не душа, а большое количество денег.

Тем временем, мы на зеркальном лифте поднялись на седьмой этаж, и по мягким ковровым дорожкам прошли по коридору, до двери с табличкой «приемная». Мои высокие ботинки и военный бушлат смотрелись на фоне всего этого великолепия, по меньшей мере, неуместно. Я едва пожала плечами. Особых комплексов в моей душе не возникло по этому поводу. А был только один интерес: к кому это на «прием» меня притащили? Пофантазировать как следует у меня времени не было, мы вошли внутрь. На месте секретаря сидел очередной «динозаврик» (простите, но «динозавром» его назвать у меня фантазии не хватило). При нашем появлении, он поднялся, едва видимый из-за экрана компьютера на секретарском столе, и пропищал:

– Проходите, шеф ждет...

А я увидела на темно-вишневой полированной поверхности следующей двери, бронзовую табличку, на которой черными буквами значилось: «Генеральный директор АО «Пегас» Пауков В. А.» Опачки!!! Вот это я, кажется, встряла! «Динозавры» на меня не смотрели, и несколько секунд, перед тем как войти в кабинет, у меня все-таки было, чтобы привести свое лицо в порядок, и стереть с него всяческие следы изумления. Теперь надо было срочно решить, кого я сейчас должна изображать? Блондинку, или деревенскую дурочку с хитрецей в глазках? Главное, понять, чего от тебя ждут, и не дать желаемого. С самого начала выбить себе седника из намеченной им колеи, и перехватить инициативу разговора. Удастся ли? Ох ты, Господи... Как обычно, война план покажет. На раздумья уже времени не было. Я вошла следом за «динозавром» в кабинет, и остановилась, перешагнув порог. Как же отчество то у Толи Паукова было? Вот, черт!! Никакой памяти на отчества у меня нет, а главное, никогда и не было. Валерьевич, Владимирович...? Бесполезно, сейчас уже не вспомню. Пока я, совершенно безо всякого результата, к слову сказать, пыталась выцарапать из памяти отчество Анатолия Паукова, «динозавр» тихим голосом, почтительно склонив голову, доложил:

– Виктор Анатольевич, мы ее на КП перехватили. Этот болван Левка со своими архаровцами проспали, не заметили, как она уехала. Хорошо мы догадались подстраховаться...

В голосе почтение, одно только почтение и ничего кроме почтения. А еще, легким фоном, почти ненавязчиво мысль: «Какой я молодец!» Только, вот, беда, шеф, судя по выражению его лица, эту мысль не уловил. Высокий статный мужчина, лет эдак под шестьдесят, поднялся из-за стола, махнув «динозавру» рукой, коротко бросив на ходу:

– Иди, после поговорим...

Я, отбросив всяческое стеснение, разглядывала Паукова-старшего. Богатая, похожая на львиную гриву, седая шевелюра откинута назад, открывая высокий лоб. За стеклами очков в тонкой золотой оправе посверкивали пороссячьи глазки, которые портили впечатление от всего остального лица. Довольно крупный нос, пухлые губы, брови с капризным изломом, которые подошли бы больше какой-нибудь красавице. Неглубокие морщины на лбу и возле глаз нисколько его не портили, твердый подбородок, говорил о жестком характере. Спину он

держал ровно, я бы даже сказала, молодцевато, как бывший офицер. Одет был вполне демократично по ночному времени. Темно-синие джинсы и тонкий бежевый свитер, обтягивал его вполне впечатляющую мускулатуру. Красавец, ничего не скажешь!! Сыночек-то личиком не в него пошел, разве что, только пороссячьи глазки, да осанистая фигура. А больше ничего и не было. По крайней мере, как мне показалось, умом и характером точно не в батюшку. Думаю, женщины при его появлении должны укладываться штабелями, и таять, таять, таять... Но недолго. Судя по капризному изгибу полных губ, больше всех на свете он любил себя.

Он тоже не очень стеснялся, разглядывая меня. А в глазах была легкая усмешка с некоторым изумлением. Словно я была лобстером у него на тарелке, который ему подмигнул и поинтересовался, как его дела. Съесть то он конечно съест, раз деньги заплачены, но сначала выяснит, что за чудо такое, говорящий лобстер. На самом деле наш взаимный осмотр занял не более минуты. Хозяин кабинета наигранно спохватившись ласково запел:

– Что же вы стоите, уважаемая Екатерина Юрьевна!! Присаживайтесь, где вам будет удобнее... Чай, кофе...? А может по пять капель коньячку или не употребляете в это время суток?

Мед так и сочился с его губ, но я подозревала, что этот самый мед был крепко сдобрен мышьяком, или на худой конец, обычным стрихнином. Да и не любила я мед. Если не начать его провоцировать, то есть, слегка подталкивать в нужном мне направлении, этак, мы еще долго будем танцы ритуальные устраивать. Надо бы этот процесс несколько ускорить. Я по-прежнему продолжала стоять недалеко от дверей изображая легкую нерешительность, и едва заметный испуг. Это не укрылось от глаз Паукова-старшего, и судя по довольной ухмылке, доставило ему некоторое удовольствие. Это было похоже на некое подтверждение его мнения обо мне, что означало «ну вот, я не ошибся. Баба из леса вылезла, и слаще репки ничего не едала». Меня это вполне устраивало. Только бы самой не сорваться и не выдать что-нибудь такое-эдакое из своего обычного репертуара.

«Динозавр» Витек отполз на полусогнутых от своего шефа, и уставился на меня, словно я ему загораживала выход. Потом протянул свою лапу и, взяв меня за плечо, прогудел:

– Слышь, тетка, тебе шеф пройти предложил. Чего ты тут столбом стоишь?

Я, словно не заметив, что его лапища лежит на моем плече, с милой улыбкой посмотрела на него, и промурлыкала:

– Слышь, племянничек, твоя тетка сейчас в яру лошадь доедает.

Парня словно кипятком ошпарило. Хотя, не думаю, что смысл моих слов сразу дошел до его мозга, увы, довольно давно отвыкшего думать. Но, все же, руку с моего плеча он поспешно убрал, и пробурчал, обращаясь уже к своему шефу:

– Виктор Анатольевич, так я пойду?

Шеф с удивлением уставился на свою «шестерку», словно не ожидал его уже здесь увидеть. Глаза за очками блеснули легкой сталью, и он приказным холодным голосом протянул:

– Распорядись чтобы нам принесли... – Он обратил вопросительный взгляд на меня.

Я не заставила себя долго уговаривать и поспешно проговорила:

– Кофе черный, без сахара... – Чуть не брякнув «с долькой лимона по-Сицилийски».

Тетке из леса не положено знать такие вещи. Эх, теряю навыки... Нужно быть осторожней. То, что этот Пауков, в отличие от своего сына, умен, хитер и опасен, как акула, было ясно с первого взгляда. Дурак не смог бы заработать такие деньжищи, которыми тут пахло из всех углов. Да и выжить в конкурентной борьбе девяностых, вряд ли ему бы удалось, не обладай он соответствующей хваткой и изворотливостью. Так что, «уши надо держать на макуши». Шеф кивнул Витьку и тот пулей выскочил вон. Но дверь закрыл тихонько, с повышенной осторожностью, что тоже говорило о многом. Своего шефа он боялся пуще огня. И это никак не шло в разрез с моими первыми впечатлениями о Паукове-старшем.

Я прошла и уселась на диван, обтянутый кожей светло-песочного цвета, стоявший в углу. Торшер на изящной ножке под абажуром с приглушенным светом, стеклянный столик напро-

тив и большое кресло, такого же цвета, как и диван. Все подобрано с большим вкусом, гармонично и безумно дорого. Я даже не бралась выговорить цифру, сколько все это счастье могло стоить. Попрыгала, как маленькая, на мягких подушках со счастливой улыбкой на лице (тут главное не переборщить), и затихла с благоговейным трепетом, оглядывая комнату восторженным взглядом. Наверное, он ждал, что я начну задавать ему вопросы, но вот тут, извините за грубость, хрен вам! Я подожду. Вспомнилась любимая фраза из романа Сомерсет Моэма «Театр». «Чем больше артист – тем больше пауза». А себя я считала, уж если не непревзойденной, то неплохой актрисой, это уж точно. Поэтому я сидела на диване, и продолжала с легким восторгом смотреть по сторонам. Хозяин кабинета неторопливо прошел к креслу, и уселся в него, продолжая меня разглядывать.

Мы так развлекались минут пять. По выражению его глаз начинало чувствоваться, что терпение его подходит к концу, а я все продолжала молчать, сидя на удобном диване, и мерцая глазами, как сова. Наконец, дверь кабинета бесшумно растворилась, и коротышка, который сидел в приемной, вкатил небольшой столик на колесиках, на котором стоял металлический кофейник, две небольших чашечки с блюдцами, очень изящных, надо сказать, сахарница и вазочка с какими-то конфетами. Судя по оберткам, импортными, и, конечно, невыносимо дорогими. Поставив столик рядом с креслом шефа, коротышка удалился, так же бесшумно, как и появился.

Виктор Анатольевич, на правах хозяина, разлил кофе по чашечкам, и молча, сделал приглашающий жест рукой. Я, в благодарность кивнув головой, взяла свою чашку, вдохнула аромат, исходящий от кофе и, в притворном восторге, закатила глаза. Вообще, все происходящее напоминало мне сцену из спектакля мимов. Только жесты, эмоции и никаких тебе звуков. Пауков, не торопясь, положил ложечку сахара в свою чашку и принялся ее размешивать, интеллигентно, не стуча ложкой о края чашки. Я про себя ухмыльнулась. Если он решил играть в игру под названием «у кого крепче нервы», то он не с тем связался. Точнее, не с той. Правила этой игры я знала в совершенстве, а терпения у меня было, хоть свиней откармливай. Поэтому, я продолжила прихлебывать кофе маленькими глоточками, и поглядывать на хозяина кабинета с ласковой улыбкой «а ля дурочка».

Первым сдался Пауков. Поставив свою чашку обратно на столик, он картинно захлопал в ладоши.

– Браво, Екатерина Юрьевна, браво!! Восхищен вашей выдержкой. Мне рассказывали о вас, что вы редкая женщина, но, знаете ли, в наше время никому нельзя доверять. Все лучше самому увидеть, убедиться, так сказать. – И расплылся в улыбке, делавшем его еще больше похожим на акулу, которая увидела косяк глупой рыбешки, плывущей прямо ей в пасть.

А я про себя безо всякого удовольствия подумала: «Кто же это у нас такой шустрый, да болтливый? Знала бы, язык отрезала». Хотя, при здравом размышлении, пришла к выводу, что что-либо скрыть в тайге очень трудно, хуже, чем в деревне. А еще женщин принято обвинять в болтливости! И соответственно, мой план по изображению дурочки, летел ко всем чертям. Жалко. А я уже настроилась. Ну что ж, план придется менять, но особую проницательность, и, уж тем более, свои некоторые способности, демонстрировать не будем. Дадим слово противнику, пусть выскажется, а там уж и видно будет, какую линию поведения выбрать. Не дождавшись от меня ни единого слова, только насмешливую улыбку, Пауков слегка нахмурился. Думаю, в психологии он поднаторел неплохо, и прекрасно понял мой ход, но сделать пока ничего не мог. И поэтому продолжил:

– Вы, наверное, ломаете голову, зачем это все нужно было: следить за вами, потом, среди ночи везти вас сюда, в мой офис? – Он с ожиданием посмотрел на меня. Я, почти равнодушно, пожала плечами. Мол, думайте, как вам будет угодно. А язык так и чесался, насмешливо спросить: «А что, похоже?» Это его слегка разозлило. И дальше он продолжил говорить короткими рубящими фразами. Наверное, именно так он говорил со своими подчиненными. – Вы уже

догадались, что Пауков Анатолий, с которым вы познакомились в тайге, мой сын. – Я, опять молча, едва наклонила голову в кивке. – Так вот, меня интересует, что там произошло на самом деле! Почему мой сын из здорового, полного сил молодого мужчины, превратился чуть ли не в овощ?! Я почти уверен, что вы в курсе произошедших событий. И жду, что вы мне о них поведаете здесь и сейчас.

Ну вот это уже лучше. Когда Пауков перестал изображать из себя доброго дядюшку, стало легче понимать ситуацию. Я решила не доводить человека до крайности, к которой он уже был готов перейти, если бы я и дальше продолжала из себя изображать партизана в застенках гестапо. Вложив в голос сожаление на какое только была способна в данный момент, я промаякала:

– Мне искренне жаль, что вашего сына постигла такая участь. Но, увы, я не была свидетелем того, что с ним случилось. И знакомство-то наше таковым можно назвать с большим трудом. Виделись всего пару раз, и то, он больше молчал. А я общалась в основном с руководителем экспедиции, Панкратовым. Слышала, что он умер от разрыва сердца. Жаль, умный был мужчина. А вот о случившемся знаю только предысторию, которую могу вам поведать. Но, хочу вас предупредить, не ждите от меня слишком многого. Все что я знаю, я знаю от других людей. В основном, от милиционеров, которые занимались... – Я замаялась, чуть не брякнув «беготней по тайге за вашим сыном». Но тут же нашлась, как выкрутиться. – От тех, кто занимался этой историей. – И я скорбно поджала губы, изобразив печаль из-за участи Паукова-младшего в частности и всей экспедиции в целом.

Вид я при этом имела весьма искренний, а глаза честными. Виктор Анатольевич глянул на меня из-под очков, справедливо почувствовав легкую издевку с моей стороны. Но я сидела скромной мышкой, сложив ладошки на коленях и, не глядя в глаза хозяина кабинета, скорбно вздыхала. Хотела, было, выдать слезу, но решила, что это будет уже перебор. И просто, еще раз тяжело вздохнула. Все еще, подозрительно глядя на меня, Пауков-старший, пробурчал:

– Рассказывайте, все, что знаете... Мне нужна сейчас любая информация.

Осторожно подбирая слова, я приступила. Рассказ выглядел вполне правдиво. По сути, он таковым и был, если бы говорил любой человек, скажем, из моей бригады. И звучал он, примерно, как реплика героя Семен Семеныча, из классического кинофильма «Бриллиантовая рука». «Шел, поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс». Мой рассказ особой заинтересованности у слушателя не вызвал, и я решила слегка разнообразить его, впрочем, не прибавив ничего нового к выданной информации, кроме одного – «стремления быть полезной безутешному отцу».

– Знаете, – робко начала я, – мне кажется, вся проблема в руководителе экспедиции, который принял на работу беглых эков. Люди это опасные, могли что-нибудь сотворить. Их ведь так и не обнаружили, ни следов, ни тел, ничего.

Он едва кивнул на мою реплику, а потом, резко задал вопрос, которого я давно уже ждала.

– А что вы знаете о месте под названием «Медвежий Яр»? – И мой собеседник впился в меня взглядом.

Уж не знаю, чего он от меня ожидал, но, надеюсь, ожидаемого не получил. К вопросу я была готова, и даже успела мысленно составить на него ответ, так сказать, заготовочку. Я, сделав чуть удивленное лицо, пожала неопределенно плечами, и, изображая задумчивость, проговорила:

– А что там с Медвежьим Яром? Поляна посреди тайги, каких в наших краях миллионы. Столбы каменные стоят. Старики в деревне считают это место проклятым. Говорят, там люди пропадают. Но, знаете, мне местными сказками заниматься недосуг. У меня работы непочатый край, и людей с полсотни. Хозяйство большое, за всем глаз, да глаз нужен. Ну, не мне вам объяснять. – И я картинно обвела взглядом его шикарный кабинет, при этом всей своей интонацией давая понять, что я ни в коей мере не хочу сравнивать масштабность нашей с ним работы.

Но Паукова мой ответ, по понятным причинам, не устроил, и он продолжил свой допрос.
– А что вы можете сказать о знахаре, который там неподалеку живет?

Я опять пожала плечами, заставив себя говорить о близком мне человеке, отстраненно, словно о незнакомце.

– Живет там дедок, травами лечит. Я к нему тоже обращалась за помощью. У меня рабочий ногу топором саданул. А с медициной в тех местах проблемно, сами, наверное, знаете. Вот и пришлось к знахарю идти. Старик, как старик, вполне безобидный. Деревенские его давно знают, и за помощью к нему не раз обращались. – Я подняла на него совершенно чистый и честный взгляд, и спросила в свою очередь. – А что, вы думаете старик как-то причастен ко всему произошедшему с экспедицией? – И тут же сама ответила. – Да, нет... Глупости все это. Он совсем уже старый и немощный. Что он может? Только еще травки и собирать... – Для подтверждения своих слов, я небрежно махнула рукой, мол, не смешите мои ботинки.

Пауков-старший сосредоточено молчал, наблюдая за мной. Я внутренне напряглась. Это тебе не кастинг на главную роль в каком-нибудь задрипанном сериале. Тут игра должна быть искренняя, от всей, так сказать, души. Чтобы сам Станиславский прокричал «Верю!!», и от восторга захопал в ладоши. Поэтому я говорила искренне, от души, вкладывая в свою реплику весь возможный талант, который у меня, я надеюсь, был. И, в то же время, исподволь, наблюдала за реакцией своей придиричливой «публики» в лице Паукова-старшего. Судя по лицу моего собеседника, об истории с поврежденной ногой моего сучкоруба, он тоже знал. Вот интересно до боли, кто же это ему информацию предоставляет? Найду – точно язык оттяпаю по самые... ну, в общем, на всю длину, до которой только смогу дотянуться!

Мы еще немного поиграли в ответы-вопросы, и мой собеседник начал уставать. Я вкладывала в свой голос максимум убежденности, смешанной с легким налетом простоты, всем своим видом демонстрируя свое искреннее желание, можно сказать, рвение, быть полезной. В конце концов, он решил, что вытянул из меня все, что мог. Тяжело поднялся с кресла, и подойдя к своему столу, нажал кнопку вызова секретаря. А я, воспользовавшись паузой, спросила, обращаясь к его спине.

– А скажите Виктор Анатольевич, для чего ваши люди болтались за мной целую неделю? Я что, по-вашему, шпион, или вражеский агент? Вы вполне меня могли пригласить на подобную беседу, белым днем, так сказать, а не устраивать весь этот цирк со слежками и погонями. Как дети, ей Богу!

Он замер ко мне спиной, а потом медленно проговорил.

– Ну вы же понимаете, уважаемая Екатерина Юрьевна, прежде чем начать говорить с человеком, я должен знать о нем, как можно больше. Дама вы весьма...хм... подвижная, уследить за вами непросто. А еще... – Обернувшись, попытался пронзить меня пронизательным взглядом. А я с усмешкой подумала: «И-и-и, мила-ай! Куды тебе!!» И тут же себя отдернула. Противника недооценивать было нельзя. А хозяин кабинета продолжил с легким прищуром. – Еще, я должен был убедиться в вашей искренности и честности. Но, насколько я понимаю, особых неудобств это вам не причинило. – Он даже не пытался скрыть ядовитого тона.

«Поруганной невинности» мне изобразить не удалось, так как в это время в кабинете появился «динозаврик», и застыл с немим вопросом в глазах у самой двери. А Пауков коротко бросил:

– Семен, распорядись, чтобы Екатерину Юрьевну доставили к ее машине. И вызови мне бригаду Левы, всю, в полном составе! – Он даже не пытался скрыть своего недовольства перед подчиненным.

Аудиенция была окончена. Я сграбастала свой бушлат, пискнула на прощание «до свиданья», и тут же мысленно сплюнула «тьфу, тьфу, тьфу... не дай Бог!». «Динозаврик» Семен ждал меня в дверях, и я покорно потрусилась за ним, не дожидаясь прощальных слов от хозяина кабинета, про себя ухмыляясь. Насколько я помнила, Лева был тем типом, который везде

за мной таскался на «мерседесе», и на которого я с таким успехом навела морок. Да, Леве я сейчас не завидовала.

Глава 3

Перед самым рассветом началась метель. Вот, черт бы побрал этого Паукова с его вопросами!! Столько времени отнял непонятно на что!! Фары выхватывали белую колышущуюся пелену, сплошной, почти непроницаемой стеной стоявшую перед лобовым стеклом. Видимость была почти нулевая. Я сбавила газ, до рези в глазах всматриваясь вперед. Тут было две опасности. Первая, можно было вылететь на встречную полосу движения, и не заметить этого, пока в лоб, как говорится, не прилетит. А можно было вообще с трассы уйти в кювет, что было только самую малость получше первого варианта, по тому-что, кювет кювету рознь. Встречаются такие, что и костей потом не соберешь. Несмотря на сложную ситуацию на дороге и тяжелые погодные условия, мысли мои были заняты прошедшим разговором. Мне не давал покоя один вопрос. Как говаривали у нас в народе: «на хрена козе баян, если она не баянист?». Другими словами, для чего было весь этот огород городить? Слежка эта дурацкая, явная настолько, что, даже будучи совсем наивной дурочкой, ее было трудно не заметить. Потом этот ночной «перехват» на посту ГАИ? Зачем все это? Чтобы на тетку произвести впечатление? Так я знаю способ куда проще, если бы кто удосужился меня спросить. Непонятно все это. И вот это самое «непонятно», и не давало мне покоя.

Снежная пелена из темно-синего, почти черного цвета, постепенно перекрасилась в серый. Значит наступил рассвет, ночь подошла к концу. Но, на дороге ситуация лучше не стала. Видимость по-прежнему была на нуле. Такие бураны водители называют «слепыми». Точнее и не скажешь. Чувствуешь себя слепцом, который батажком шупает впереди себя дорогу, только двигается при этом со скоростью километров восемьдесят в час. Хорошо, что эту дорогу я знала даже лучше, чем собственную квартиру. Сколько годков уже по ней катаюсь. Ничего, часа через полтора будет поворот направо, там заканчивается трасса и начинается грунтовка вдоль леса. Ветер уже не будет так яростно швыряться клочьями снега, норовя скинуть машину с дороги. А потом путь, который назвать дорогой у меня язык не поворачивался, повернет в лесную чащу, и там будет уже полегче. Исполинские деревья укроют, защитят от буйства метели. Там я буду почти дома.

Продираясь сквозь завесу метели, я вновь пыталась анализировать создавшуюся ситуацию, а память услужливо мне подбрасывала картины недавнего прошлого. Как я встретила Прона, старого знахаря, живущего отшельником в тайге, а потом его ученика Одина-Олега, и его друга медведя по кличке Асхат. С этого знакомства все и началось. Именно тогда моя жизнь круто изменилась, но не внешне, а, скорее, внутренне. Меня научили совсем другими глазами смотреть на этот мир. И наши судьбы переплелись так тесно, что уже невозможно было их разделить. Я вспомнила, как впервые попала на поляну загадочного Медвежьего Яра, где, будто руками исполинов, были поставлены два каменных столба, оказавшимися вратами в другой мир. И появившуюся невесть откуда экспедицию, называющих себя «этнографами», а на самом деле, охотящихся за Камнем Демиурга, который хранит в себе, таинственные и неведомые простым людям, знания Великой Северной Цивилизации. И бой на поляне Медвежьего Яра, и последующие события, когда мы с Олегом и Асхатом, став единым целым, сдерживали энергию врат, не позволяя свершиться катастрофе. (Подробнее об этих событиях в книге «Медведи тоже умеют любить»). Именно тогда Пауков-младший, участвующий в экспедиции так называемых «этнографов» попал под волну взбудораженной энергии врат и сошел с ума. Но, он еще легко отделался, потому что их руководителю повезло гораздо меньше. Панкратов скончался от разрыва сердца, а третий член экспедиции Елезаров Сергей, поседел в одночасье и утратил дар речи, да и с головой у него, похоже, было не все в порядке. И это не было «мстостью» врат за непрошенное вторжение. Энергия межмирья безлика. И единственное зло, которое может свести человека с ума, приносится во врата в собственных душах и сердцах.

Я так глубоко задумалась, что чуть не пропустила нужный мне поворот. Но, руки и ноги, словно подключенные к системе автопилота сами совершили все необходимые действия для маневра. УАЗик тряхнуло на подмерзшей колее, и он завихлялся, словно опытная кокетка, увидевшая впереди себя интересного мужчину, едва не улетев в сугроб. Я нажала аккуратно на педаль газа, с трудом выравнивая машину на скользкой дороге. Пожалуй, я слегка увлеклась своими размышлениями. Надо бы и о безопасности подумать.

Вскоре, дорога, будто стараясь запутать чужаков, закружила поворотами, и я въехала под полог леса. Ветер здесь, конечно, тоже никуда не делся, но стена леса не давала ему разгуляться в полной мере, как на открытой трассе, и он, завывая от злобы, только швырял комки снега в лобовое стекло, стряхивая их с вершин деревьев. Дорогу кое-где перемело плотными сугробами, но старичок-УАЗик, надсадно воя двигателем на малой скорости, их буквально прорывал, идя на таран очередного перемета. После одного из таких прорывов, температура вдруг резко полезла вверх. Пришлось остановиться, чтобы не запороть двигатель. Сервисных служб в тайге не было, да и ожидать попутный транспорт здесь можно было неделями. Я вылезла из машины, подняла капот. Ну, так и есть, набившимся снегом и льдом срезало шкив на генераторе. Срезано было, будто острым ножом. Вот тебе и силы природы. А мы еще с гордым видом утверждаем, что мы ее «царь»! Да только стоит ей пальчиком пошевелить, и все наши так называемые «технические достижения», можно смело выкинуть на помойку. А ветер с хохотом крутил над головой верхушки деревьев, будто, спрашивал с насмешкой: «А что ты можешь сам, человек? Без своей, так называемой цивилизации?» Тяжело повздыхав еще пару минут, начала доказывать, что я «можешь сам». Для начала, принялась вычищать снег из-под капота. Из куска старой жести вырезала некое подобие шкива, откопала в своих запасах целый ремень. В общем, провозилась часа два со всеми этими делами. Не забыв при этом нахваливать собственную предусмотрительность. В багажнике машины всегда возила с собой чуть ли не половину УАЗика в разобранном виде. Мало ли что может пригодиться!

Только глубокой ночью я добралась до базы. Мужики заботливо расчистили дорогу, ведущую от деревни к нам. Чувствовалось, что ждали. На сердце потеплело от такой заботы. Когда машина затормозила возле крыльца столовой, Василич уже стоял там с фонарем «летучая мышь» в руке, вглядываясь в темноту. Полушубок был надет только на одну руку, второй рукав волокся за ним по полу, похожий на диковинный шлейф сказочного короля. Видно, старик задремал, поджидая меня, а при звуках двигателя заполошно выскочил на улицу. Ветер к ночи утих, устав резвиться на просторах над застывшими, оледенелыми заливными лугами, и сейчас было слышно только, как поскрипывают деревья, едва шевеля кронами, словно в переключке после бесноватой пурги.

– Что-то ты долгонько нынче... Или случилось чего? – Ворчливый голос моего завхоза прозвучал для меня песней.

Я и не думала, что так успею соскучиться по старому ворчуну, да и по своей базе, ставшей мне вторым домом. Не ко времени я вспомнила чье-то мудрое высказывание. На вопрос, что такое счастье, человек ответил: «Счастье – это когда ты утром с удовольствием идешь на работу, а вечером с таким же удовольствием возвращаешься домой». Мне сейчас это было близко, как никогда. Прихватив сумку с гостинцами «для души», как я это называла, поднялась на крыльцо, и вошла вслед за Василичем в столовую. Печное тепло уютно окутало меня, словно приветствуя родного человека, наконец, вернувшегося после долгих странствий домой. Поставила сумку на лавку, а сама, не раздеваясь присела на краешек. Устало потерла ладонями лицо и проговорила:

– Ну, как тут у вас, все нормально?

Василич закивал головой.

– А чего у нас... У нас, как всегда. Мужики работают, все живы-здоровы, накормлены, напоены. – А потом, с обидой в голосе пробурчал. – А ты чего так долго? Мы к обеду тебя

ждали. Я уж думал, не случилось ли чего по дороге. Саньку велел трактор на стреме держать. Вот он и бегал весь вечер, то заведет его, то опять заглушит. Дорогу-то Петро почистил от деревни. А то у нас тут вчера ночью такой буранище был, страсть. Деревья аж к самой земле клонило. Андрюха думал, что сегодня на работу никого не выпустит. Но, ничего. Бог миловал. К утру успокоился. День дал мужикам поработать, а к вечеру опять расходился, падлюка! – И потом, без перехода, тем же тоном, выпалил. – Тут тебя мужик какой-то чудной спрашивал, мол, когда мать ждете. Ты же знаешь, мы с чужаками сильно-то языком не мелем. А тут... Сам не знаю, что на меня нашло. Знаешь, посмотрел он так на меня, словно теплом окутал. Я и подумал, такой человек плохого не сделает. Ну, я и сказал, мол, к обеду ждем. Он глаза так прикрыл, головой покивал, говорит, раньше ночи можете не ждать, и ушел. Я потом у Андрюхи тишком спросил, кто такой? А он говорит, мол, свои, не бойся, у старика знахаря на заимке живет, друг мол, материн.

К концу речи он совсем перешел на шепот, хотя нужды в этом, в общем-то я не видела. Никого кроме нас двоих в столовой не было. А вид при этом имел виноватый, словно он врагам по недомыслию за пол литра Родину продал. Я улыбнулась. На сердце потеплело, как от прикосновения родной любящей ладони. А Василич, увидев, что гневаться я не собираюсь, чуть ободрившись, проговорил:

– Ты поди, голодная, так я сейчас мигом. У меня вон и щи на печи горячие, и чайник уже закипел. А может с дороги в баньку. Колька сегодня натопил, так жаром и пышет. – А потом добавил ворчливо. – Никакой экономии с ними нет! Говорю, куда столько топишь-то, ирод?! Вон, уже крышу от жара скоро снесет! А он отвечает, мол, не ворчи, мать приедет, попарится! Ну и что ты с ним делать будешь?! – И тут же сменив тон, заговорил голосом доброй нянюшки. – Я тебе там веничек подуховитей запарил, с душицей и травками всякими. Так ты как? Сначала в баньку, а потом поешь, или щец сразу налить?

Я прикинула свои возможности. Выходило, что потяну что-то одно: или «щец», или банька. Решила, что банька предпочтительнее. Так я Василичу об этом прямо и сказала. Он опять принялся ворчать, что, мол, не гоже на голодный желудок в баню. И его бурчание могло продолжаться бы и дольше, но в этот момент, на крыльце послышались топающие шаги, человек старался стряхнуть снег с обуви. Через мгновение в столовую вошел Андрей, мой бессменный мастер, можно сказать, надежда и опора во всех производственных делах, а еще, командир в мое отсутствие. Увидев меня, широко улыбнулся, и сразу стал похож на озорного мальчишку. Никто бы не сказал, глядя на этого паренька, с оттопыренными ушами и ласковыми карими глазами, что у него за спиной четыре года отсидки за разбойное нападение.

– С приездом, мать!! – Почти по-военному гаркнул он. Василич аж подпрыгнул от его голоса, и тут же принялся ворчать.

– Еще бы сказал, здоровья желаю, ваше высокородие! Чего орешь-то?! Или тут одни глухие собрались? Или в лесу не накомандовался? Вот там и ори, а здесь нече...

Андрей скорчил забавную рожицу, и примирительно заговорил:

– Ну чего ты разворчался, Василич? Я рад, что мать вернулась живая и здоровая. – И тут же, присев на краешек лавки обратился ко мне. – Вижу, умоталась ты. Дорога тяжелая, поди? – Дружеское участие и человеческое тепло, только это звучало в голосе моего мастера.

Я усмехнулась.

– Как обычно, Андрюш, в это время. Ни хуже, ни лучше. На трассе только в «слепой» буран попала. А по лесу, тут полегче пошло.

Теперь улыбнулся Андрей. Мои мужики очень хорошо знали, что значит «полегче» в моем понимании. И спросил участливо:

– С отчетом до завтра повременим? А машину мы сейчас разгрузим. Я мужиков свистну. Все пока в твой гараж уберем, запчасти в сених в нашей домушке поставим. А завтра уже будем разбираться, кому че, кому ниче. – И озорно покосился на Василича.

Завхоз взгляд уловил, да и слова тоже, и опять принялся ворчать.

– Я те дам, «кому ниче»! Ишь, моду взяли шутить! Ты с девками будешь шутить, а со мной нЕче, молод еще со мной шутить! Продукты сразу в столовую чтоб разгрузили. В гараже сразу зверье набежит, за ночь все перепакостят, да растащут!!

Андрей все еще вопросительно смотрел на меня, ожидая решения. Я кивнула головой, мол, делай, как сказал. И он тут же выскочил из избы. Вскоре на улице послышался разбойничий посвист. Слова «мужикам свистну» Андрей понимал дословно. А я, попросив у Василича кружку чая, отправилась в свой домик. Сняла одежду, накинула банный халат (был у меня в хозяйстве и такой), сунула босые ноги в валенки, и побежала по расчищенной тропинке к бане. Пока я переодевалась, неугомонный Василич успел уже зажечь в бане керосиновую лампу, а на маленький столик поставить кувшин с брусничным морсом. Вот же еще где моя заботушка. Я поддала пару, и блаженно вытянулась на чистом, выскобленном до янтарной прозрачности, полке. Меня окутало облаком жара, и я прикрыла глаза, наслаждаясь теплом и березовым духом. Через несколько минут я поняла, что если сейчас же не начну мыться, то тут же и засну. Шли уже вторые сутки, как я не смыкала глаз. С легким кряхтением встала, и набрала тазик воды.

Минут через сорок, я уже чувствовала себя намного лучше. После горячего пара, да в холодный снег – эта процедура бодрит необыкновенно. Было ощущение, что я сбросила с себя тяжкий груз. Причем, не только теласный. Так, наверное, оно и было. Не зря старики говорят, что после бани человек, как заново родится. Прихватив с собой кувшин с брусничным мором, я пошла в свой домик. По дороге отметила, что моя машина уже разгруженная стоит в гараже. Нет, все-таки, мои мужики просто молодцы!!

В домике уже в печи весело трещали дрова, а на столике стояла нехитрая снедь, накрытая чистой тряпочкой. Василич постарался. Я залезла под одеяло, со стоном блаженства вытянулась на чистой простыне. Глаза стали сами собой закрываться. Я уже начала проваливаться в сон, когда в голову вдруг пришла мысль. А зачем ко мне приходил Олег? И откуда Андрей знает, что он мой друг? Никому я, особо, не рассказывала о своих отношениях с жильцами таежной заимки. Да, и не особо, тоже никому не говорила. То есть, я совсем никому не рассказывала ничего, кроме «официальной» версии всего произошедшего. Это было, по меньшей мере, очень странно. И еще Олег. Он предпочитал не показываться моим мужикам на глаза. А тут сам пришел. Это было неспроста. Сонную одурь с меня, как ветром сдуло. Надо спросить Василича, может он еще что вспомнит о визите моего друга. Уже натягивая брюки, вдруг вспомнила о времени и глянула на часы. Так и есть – два часа ночи. Василич уже как минимум второй сон видит, а будить пожилого человека после тяжелого рабочего дня, с моей стороны – просто свинство. Я побегала еще по домику. Разбежаться там было особенно негде. Подбросила дров в печку, чтобы хоть что-то сделать. Не выдержав, вышла на улицу и стала прислушиваться к звукам тайги.

Морозец крепчал, но в пределах допустимого, градусов двадцать-двадцать пять, не больше. После бурана небо вызвездило, словно кто-то, второпях, небрежно задел край миски, и просыпал горох по темно-синему бархату. Лес стоял притихший, молчаливый, ни ветерка в кронах деревьев, ни скрипа снега под осторожной звериной лапой. Еще не высохшие после бани до конца волосы, превратились в сосульки. Щеки и нос стало пощипывать морозцем. Только в гараже под навесом, рядом с УАЗиком, похрапывала старая кобылка Люська, которую мне выделило лесничество в вечное пользование за ударный труд, так сказать. У меня родилась шальная мысль. Запрячь Люську, и рвануть к Прону. Чем больше я об этом думала, тем больше идея мне казалась привлекательной. Но Люскина сбруя хранилась у нас в столовой, и мне не забрать ее без того, чтобы не разбудить Василича. Вот же напасть! И почему я раньше не подумала об этом!? Я постояла еще немного возле домика, и понурившись зашла внутрь. Нет, идея, конечно, была сумасшедшей. Я устала настолько, что просто бы не доехала до избы

Прона ночью, да еще в мороз. Подбросив еще пару поленьев в печку, я наконец уgomонилась. Опять разделась и залезла под одеяло. Завтра утром, разгоню бригады по местам и сразу же рвану к Прону. Утро вечера мудренее.

Уже почти засыпая, я подумала, что, наверное, стоит попробовать связаться с Олегом мысленно. Я никогда этого не делала с большого расстояния. Он обучал меня этому, но пока у меня получалось только, когда он был совсем рядом. Закрыв глаза, попробовала отбросить все мысли в сторону, и представить его лицо. У меня получилось, но не с первого раза. И образ был нечетким и каким-то расплывчатым. Незаметно для себя, я уснула.

Глава 4

Утро, как водится, началось с двух ведер воды на голову из родника, чашки кофе и обычной рабочей суматохи. Я сидела на крыльце столовой со своей кружкой, прихлебывала маленькими глотками кофе, и с улыбкой наблюдала, как мои мужики бегают туда-сюда, весело приветствуя меня. Снег поскрипывал под их ногами, в гараже уже орудовали трактористы, разбирая и рассматривая, привезенные мной, запчасти. Андрей вел Люську к польнью на водопой. Кобылка всхрапывала, бодро переставляя копыта, как видно наслаждаясь утром. Привычно пахло печным дымом, машинным маслом, соляжкой. Дав своим мужикам еще тридцать минут на всю суету, провела планерку, обозначив задачи каждой бригаде, и получив полный отчет о том, что было сделано в мое отсутствие. Вскоре загудел трактор, мужики полезли в прицеп, натягивая на уши шапки, а на руки теплые овчинные «верхонки», и, через десять минут, база опустела. Остались только Василич, Андрей и мы с Люськой. Василич наводил порядок в столовой после завтрака, а Андрей вышел на крыльцо, присел на ступеньку, и закурил сигарету.

Я сидела рядом, прикидывая, как половчее задать ему вопрос, чтобы не вызвать ни излишнего любопытства, ни излишней догадливости с его стороны. Задача была не из простых. Андрей был мужиком умным. Пока я в голове перебирала вопросы, он заговорил первым.

– Мать, тебе Василич сказал? – И не дожидаясь от меня ответа, продолжил. – Один приходил, тебя спрашивал. Я удивился, когда он из леса напрямик к столовой вышел. Подумал, может чего случилось. Спросил его, а он улыбнулся, говорит, все нормально. А я, знаешь, словно сердцем что-то почувствовал. Со мной такое редко бывало. – Он замолчал, стесняясь своих эмоций. Краем глаза глянул на меня. Увидев, что я сохраняю серьезное внимательное лицо, слегка приободрился, и продолжил. – Ну, это знаешь, когда валишь дерево в нужном направлении, и в последнюю секунду понимаешь, что не пойдет туда дерево, не пойдет, и все тут! А спроси в тот момент, откуда знаю, не отвечу. А дерево и вправду, через несколько секунд начинает падать совсем не туда, куда ты его направлял, и за эти несколько секунд ты успеваешь уйти от удара, можно сказать, успеваешь со смертью разминуться. Ты понимаешь, О ЧЕМ я? – Он опять замолчал, мучительно стараясь найти слова, расстроенный тем, что не может объяснить свои чувства вполне внятно и толково.

Да что там! Не то что мне, самому себе он мог объяснить эти эмоции с большим трудом. Я усмехнулась, наблюдая за его мытарствами. Потом, положив ему руку на плечо, тихо проговорила.

– Андрюша, не волнуйся ты так. Я все прекрасно понимаю. Это называется «интуиция».

Успокаивала Андрея, а сама думала, что, наверное, близость Медвежьего Яра и врат, оказывают на чуткого душой человека странное влияние. Словно, долго бродивший в темноте человек, вдруг начинает видеть рассеянный свет. Еще не понимает откуда он, но уже видит окружающий мир чуть ярче, четче, яснее. Я оторвалась от своих размышлений, и осторожно спросила:

– Так что ты почувствовал, когда Один тебе ответил? И вообще, откуда ты его знаешь?

Андрей виновато глянул на меня. А потом, опустив глаза в землю, тихо заговорил:

– Я ходил ТУДА...

Я с легким недоумением посмотрела на него.

– Андрюш, я могу понять твои чувства, и знаю, что такое «интуиция». Но, если ты хочешь, чтобы я читала и твои мысли при этом, то, увы, я еще так не умею. Поэтому, объясни мне, пожалуйста, куда ТУДА ты ходил?

Он насупился, как ученик, который получил двойку, а теперь не может найти подходящего оправдания для этого.

– Ну, туда, к знахарю. Я же знал, что ты туда ездишь часто. Вот меня любопытство и разодрало, чего там такого интересного. Я с новых лесосек ехал, и решил, дай заскочу. Ну просто, посмотрю хоть одним глазком. Я машину на просеке бросил, а дальше пешком, напрямки через лес пошел. Я даже до опушки еще дойти не успел, сзади голос, насмешливый такой. Что мол, мил человек, потерял, или заблудился? Оборачиваюсь, а там мужик стоит, да странный такой. Знаешь, если бы я в сказки верил, то принял бы его за лесного бога, в которого наши предки верили, такой он был... – Он на мгновение задумался, пытаясь подобрать правильное слово. Потом, закончил. – ...Необычный. Красивый и страшный одновременно. – Он смутился своей несколько цветистой речи, и пробурчал. – Ну, я думаю, ты понимаешь, что я хотел сказать. – Но тут он опять, по-видимому, от воспоминаний вдохновился. Улыбнулся, как маленький ребенок, который воочию увидел свою мечту, и продолжил. – Я как его увидел, дар речи потерял от неожиданности, словно меня, как в детстве, бабуля поймала за кражей конфет из буфета, которые она для праздника припрятала. Даже, не поверишь, стыдно стало. Стою, как дурак, глазами хлопаю, слова не могу из себя выдавить. А он так улыбнулся, а в глазах словно веселые чертенята заплясали. Я как этих самых чертенят-то увидел, так у меня сразу от сердца и отлегло. Так и познакомились. А потом, мы еще несколько раз с ним в лесу сталкивались, правда, только издали. Он меня увидит, и рукой махнет, как старому другу. И, можешь смеяться сколько угодно, но от этого его простого взмаха, даже как-то настроение улучшалось, и уверенности какая-то появлялась, что все будет хорошо.

Я с удивлением сидела и слушала импровизированную исповедь своего мастера, и не заметила, как мой кофе стал холодным, а руки начали мерзнуть. Поднявшись решительно с крыльца, я проговорила:

– Вот что, Андрей, пойдем-ка ко мне в домик, там мне все доскажешь, да и вопросы свои задашь. Я же по глазам вижу, спросить что-то хочешь, но не решаешься. Иначе здесь, мы с тобой оба в сосульки скоро превратимся.

Я встала и зашагала решительно к своему домику. Андрей, помедлив минуту, будто решая для себя какой-то трудный вопрос, в конце концов потрусил за мной. В домике я разворошила угли в печке, кинув горсть сухих щепок на них, чтобы пробудить задремавший огонь. Щепки сразу потемнели и начали слегка дымиться. Я дунула пару раз, и веселые язычки пламени заплясали на сухом дереве. Кинув в печь несколько поленьев помельче, поставила чайник на плиту, и усевшись на табуретку, приготовилась слушать дальше. Андрюшка, примостившись, с видом бедного родственника, на краешке другой табуретки (с мебелью в домике у меня было не очень богато), откашлявшись, продолжил свой рассказ.

– Ну вот, я и говорю... А тут он на лыжах пришел, и безо всякого страха, прямо к столовой. Мужики на делянах были, а Василич на крыльцо вышел, воду выплеснул. Как Одина увидал, так чуть тазик и не выронил из рук. А я в гараже был, Люське корма задавал. Один с Василичем заговорил, а я уже позже подошел. Он со мной за руку поздоровался. Вот я у него и спросил, что, мол случилось. А он говорит, что все нормально. А в глубине глаз беспокойство плещется. Ну, я уж переспрашивать и не стал. Чего человеку в душу лезть. Захочет, сам скажет, а не захочет, значит, не моего ума дело. Но, знаешь, мне как-то тревожно стало, маетно. А понять, что, да отчего, не могу никак.

Тут уж, после его рассказа и мне маетно стало. Я посмотрела на Андрея:

– Ты, вот что, Андрюш, оседлай-ка мне Люську.

Андрюха с табуретки вскочил, и вон кинулся. А в самых дверях остановился вдруг, и спросил, с какой-то затаенной надеждой.

– Мать... А Один, он кто?

От его вопроса я слегка растерялась, не зная, как ответить на такой простой вопрос. Андрей все стоял в дверях в ожидании чуда. Что я могла ему сказать? Что Один человек? Что он – часть меня самой? Что теперь, он вся моя жизнь? И пока я думала, Андрюшка, глядя на мою маету, спросил, чем поверг меня в еще большее изумление.

– Мать, ты его любишь, да?

От его прямого вопроса у меня аж дыхание перехватило, и я захлопала губами, как рыба, выброшенная на берег. Мой мастер грустно усмехнулся, и тихо, виноватым голосом проговорил:

– Не в свое дело лезу?

Наконец, я пришла в себя, покачала головой и ответила:

– Не говори так. Мы тут все, как одна семья. И ты вправе задавать такой вопрос. Да, Андрюша, я его люблю. И не просто люблю. Он часть меня, если ты понимаешь, о чем я говорю.

Мне было не очень просто сказать это вслух. А еще я опасалась, что Андрей не поймет, или точнее, неправильно поймет то, что я чувствую. Но он, серьезно кивнул головой, и с улыбкой проговорил:

– Я рад за тебя. Такой человек, как Один достоин тебя! Ты же знаешь, мы тебя с мужиками кому попало не отдадим! – Он мне лихо подмигнул, и кинулся седлать Люську. А я так и осталась сидеть на табуретке в своей домушке, и хлопать от изумления ресницами, глядя ему вслед.

Люська шла бодро по накатанной тракторными колесами дороге, довольная донельзя, что, наконец-то, мы опять с ней в пути. За время, что меня не было на базе, за лошадкой, конечно, присматривали, кормили, поили вовремя, но верхом на ней никто не ездил. Василич летал по базе коршуном, и всем грозился страшными карами, начиная от самого Василича, и заканчивая самим Господом Богом, если кто посмеет «материну» Люську оседлать. Так что, старенькая кобылка застоялась в ожидании меня, и сейчас резво похрустывала копытами по плотному накатанному снегу. После ясной ночи небо опять заволочло какой-то дымкой, и я опасалась, что может опять подняться буран. Солнце нехотя выкатилось из-за горизонта, но сероватая вуаль облаков не давала ему покрасоваться перед миром во всем своем блеске и величии.

Мы свернули на просеку, и лошадка пошла помедленнее. Снегу было не так чтобы очень много, но рысью по сугробам не очень-то поскачешь. На белом, чуть придавленном вчерашним бураном, снежном покрове то тут, то там, виднелись следы мелких зверей. Растопыренный заячий след, перекрывала тонкая ниточка лапок лисы. Ох, не сладко придется ушастому! По стволу громадной ели проскакали юрким серпантинном белки, и замерли наверху, где-то в густых хвойных лапах. Лес жил своей жизнью, не обращая внимания на людей, словно нашего племени никогда и на земле-то не существовало. Я усмехнулась своим мыслям. А ведь зверью, да и Природе-Матушке, куда как спокойнее будет без нас. Вот, однажды кончится у нее терпение, и только пальчиком своим пошевелит, и сбросит все нахальное, наглое, гомонящее людское племя с земли. И винить тогда будет некого. Сами напросились, что называется.

Не знаю, с какого такого перепуга меня потянуло на философию. Проблем и тревог было выше крыши, как говорится, а я, Бог знает о чем думаю! Уже подъезжая к знакомой горке, с которой уже можно было увидеть займку Прона, я заметила, замеченный местами, лыжный след. Это, наверное, Олег вчера ходил этим путем ко мне на базу. При мысли о нем, вся душа у меня затрепетала птицей, словно, я могла сейчас расправить руки и взлететь, поднявшись в низкое зимнее небо с радостным криком предчувствия встречи. И в то же самое время, как что-то кольнуло в сердце, возвращая мои мысли из полета. Какая-то тревога зрела и копилась

на самом доньшке души, предвещая... Что? Беду? Нет, беды я не чувствовала. Он жив и здоров. Тогда откуда взялась эта щемящая тоска, как перед долгой разлукой? Ответ я могла получить, только добравшись до избышки Прона. И я поторопила немного старую кобылку. Люська недовольно фыркнула, затрясла головой, словно призывая меня подумать о ее пожилом возрасте. Но при этом, подчиняясь сильной руке, все равно, пошла чуть бодрее.

Взобравшись на горку, лошадка пошла веселее, словно, возвращалась домой. Я уже хорошо видела слабую радужную дымку, окутывающую дом Прона, и два столба печного дымка, стоящих ровнехонько над крышами. В начале зимы, по первому снегу, мои мужики приволокли на санях небольшую ладную баньку, срубленную на совесть из звонких сосновых бревен, ошкуренную, протыканную, как полагается, сухим болотным мхом, успевшую выстояться за теплые осенние месяцы. И теперь я с удовольствием наблюдала, как из трубы этой самой баньки тоже поднимается высоко над крышей дымок. Спустившись вниз, Люська слегка притормозила и зафыркала, затрясла головой. Я увидела, как испарывая снежную целину, словно атомный ледокол испарывает льды Северного океана, в нашу сторону летит бурая гора. От сердца отлегло. Асхат!! Лошадка, слегка отвыкшая от медвежьих игрищ, слегка заартачилась. Я похлопала Люську по рыжевато-коричневой шее, и с насмешкой проговорила:

– Ну, чего ты? Это же твой друг Асхат! Забыла уже?

Кобылка отозвалась сердитым фырканием. А медведь, не добегая до нас метров пятьдесят, принялся радостно нарезать вокруг лошади круги. Люська нервно переступала на месте копытами, косясь своими умными блестящими глазами на лохматое, резвящееся рядом, чудище. А у меня в голове родилась мысль, посланная медведем. В переводе на человеческий язык она звучала примерно так:

– Приветствую вас... заждались уже...

Я, слегка прищипорив кобылку, пустила ее рысью в сторону избы, прокричав на ходу:

– И тебе привет, лохматый друг!! Мы тоже скучали...

На крыльце дома появился Прон, в накинутой на плечи овчинной дохе. Он стоял, глядя серьезным взглядом, как мы подъезжаем к крыльцу. Я осадил лошадку, и спрыгнула на землю. Снег под ногами мягко спружинил, словно мат в гимнастическом зале. Тут же подбежавший Асхат, уселся на задние лапы, поглядывая на меня с ожиданием в своих умных медвежьих глазках. Я, не выдержав, громко рассмеялась, достала из кармана несколько кусочков сахара-рафинада, припасенного специально для такого случая, и протянула медведю на ладони. Он принялся с удовольствием чавкать и тихонько урчать при этом себе под нос. Ну точно, как Василич, когда бывал чем-то доволен, но не хотел этого показывать. Люська, ревниво глядевшая на эту картину, собралась было возмущенно зафыркать, но я тут же протянула кусочек сахара и ей. Между друзьями не должно быть неравенства.

Затем, накинув повод на ветку, сиротливо стоявшей рядом с избой березки, быстрым шагом подошла к крыльцу, и поздоровалась:

– Доброго дня тебе, батюшка Прон. Как живете-можете?

Старец с едва заметной улыбкой закивал мне в ответ, и проговорил, подражая моему тону:

– Живем помаленьку, да хлеб жуем... Заходи в избу, а то зябко на улице.

Потопав на крыльце ботинками, отряхивая снег, вошла вслед за стариком в дом. Тепло огромным клубом пара вырвалось наружу, на морозец, окутывая меня, словно легкой пуховой шалью. Войдя в дом, огляделась. Олега явно здесь не было. Интересно, где же он? Асхат здесь, значит, он не на охоте. Вопросительно уставилась на Прона, ожидая пояснений. С некоторых пор, нам с ним не требовалось много слов для общения. Старец упорно отводил от меня взгляд, делая вид, что хлопочет у печи. Сняв свой бушлат, кинула его на лавку, а сама присела рядышком, упорно сверля своим требовательным взглядом спину старца. Наконец, он закончил греметь кастрюлями, поставил на стол две больших кружки с горячим чаем, жестом фокусника,

сдернул чистое полотенце с накрытой тарелки, стоявшей по центру стола, в которой оказались оладьи, как видно, недавно испеченные, а также, небольшая мисочка с медом. Своим обычным ворчливым голосом сказал:

– Угощайся, чем Бог послал... – И обнял своими крепкими пальцами горячую кружку, словно пытаюсь согреть руки.

Я пододвинула чай к себе поближе. По спине пробежал легкий морозец в ожидании скверных новостей. Не выдержав молчания хозяина, задала ему вопрос вслух:

– Где Олег?

Прон быстро глянул на меня из-под лохматых бровей, и, с легким упреком, проговорил:

– Ну чего ты вскинулась-то? Все нормально с Олегом. Вчера вечером его на Совет вызвали. Так что, скоро не жду. Сама знаешь, как там время течет.

Я, вроде бы, с облегчением выдохнула. Но беспокойство сухой занозой сидело где-то в сердце, не давая расслабиться. Отхлебнула несколько глотков чая, и проговорила, подражая старцу, с легким ворчанием:

– Да сколько уже можно его на Совет вызывать. Всю осень ходил, и сейчас опять?

Прон вдруг рассердился, на мое замечание.

– Сколько нужно, столько и можно!! А ты думала, что ему это просто так с рук сойдет?! Открыл врата чужакам, да не просто открыл, а еще и кровь пролил!! Внешний мир на грань катастрофы поставил!! Энергию врат сбил с привычного круга!! И за меньшее люди лишились памяти!

Я, перепуганная, не столько смыслом сказанного, сколько несдержанностью старца, молча смотрела на него, хлопая глазами. За все время ни разу не видела, чтобы он позволил себе так резко высказываться, нисколько не сдерживая эмоций. Ох ты, Господи... Значит, дело будет посерьезней обычной выволочки со стороны Совета. Вот старик и нервничает.

Прон вдруг вскочил с лавки, чуть не опрокинув свою кружку и забежал по комнате. Сделав несколько десятков кругов, он опять уселся за стол, и сердито посмотрел на лужицу чая на столе, которая растеклась ровным пятном по деревянной поверхности. Потом, глянул на меня, словно я разлила его чай, и хмуро, совсем другим тоном, будто оправдываясь за свою несдержанность, проговорил:

– Я просил Совет допустить меня на заседание. Но мне было отказано. – Глянув на меня виновато, продолжил. – Но, я надеюсь, они учтут все обстоятельства случившегося, и то, что вам удалось предотвратить катастрофу. А еще, я думаю, должно сыграть свою роль, что он Вага. Думаю, таких, как Олег у нас уже не рождалось несколько десятков сотен лет, и Старейшины это тоже учтут, а не кинуться сразу лишать его памяти.

От его последней фразы про память, у меня все похолодело внутри. Да, как они могут??!!!! Он же спас жизни стольким людям!! Он собой жертвовал ради этого!! Я решительно встала из-за стола.

– Ты должен провести меня на Совет. Мы вместе с Олегом были в межмирье, вместе нам и отвечать!

На старика моя страстная речь не произвела ни малейшего влияния. Он с невеселой усмешкой глянул на меня, и махнул рукой.

– Сядь! – Сказал, как гвоздь забил. Я невольно подчинилась под его взглядом, и медленно опустила на прежнее место, ожидая дальнейших объяснений. – Выкинь всякие глупости из головы! Если меня на Совет не пустили, тебе и подавно туда дороги нет! Врата я тебе не открою, и не мечтай! Они должны разобраться. Не зря же столько тысячелетий мудрость копили. Все, что нам остается – это ждать. Так что, вон, попей чаю, оладий поешь. С утра-то, поди, и поест не успела, сразу сюда кинулась? – Потом посмотрел неодобрительно на мои упрямо сжатые губы, и добавил. – Давай, давай... Мы теперь уже ничего не в силах изменить. Теперь только ждать.

Я немного поразмышляла и, с неохотой, была вынуждена признать, что Прон прав. Что-либо изменить я уже не смогу. Среда чужая. Если бы можно было на танке туда въехать, и всех разогнать к такой-то матери, несмотря на всю их мудрость и прожитые года, чтобы спасти любимого, я бы это сделала, и даже ни на мгновение бы не задумалась, правильно или неправильно поступаю. Но, вот беда, на танке туда не пробиться. И не мне с моими слабенькими, только-только просыпающимися способностями, тягаться со Старейшинами. Прон прав, мое дело сейчас ждать. Я очень надеялась на те доводы, которые привел старец, и думаю, Совет не глупее нашего. Это меня слегка успокоило. Хотя, слово «успокоило» не совсем подходило к тем эмоциям, которые я сейчас испытывала. Но во мне зрела некая предопределенность. Судьба... Узор заплетен и расцвечен, а нам только и остается, что следовать ее замысловатым рисункам. Но, не как бессловесным истуканам, вовсе нет. Мы тоже можем вплетать нити своих желаний, стремлений и мечтаний, не меняя, но делая этот узор еще более ярким и красивым. А еще, мы должны встретить ее, свою судьбу, встретить как подобает человеку. Не горбя спину и не сутуля плечи, и, уж, конечно, не закрывая глаз. И размышление великого русского классика Федора Михайловича Достоевского, вложенное им в уста своего героя Раскольникова, на тему: «тварь ли я дрожащая или право имею», приобретало несколько иной смысл, нежели в него был вложен изначально великим философом и литератором. Говоря современным языком, если мы считаем себя людьми, мы должны научиться держать удар. Это сложно. Но, у нас нет иного пути.

Я как-то сразу успокоилась. Вот просто в один момент. Нет, решимости у меня не убавилось помочь Олегу нести его ношу, которую Совет может взвалить на него. Просто я перестала метаться, как заполошенная курица, кусая губы и ногти с воплями «что же делать????!!!». Нужно дождаться окончания Совета, а потом уже принимать решение всем вместе. Прон, внимательно следящий за выражением моего лица, заметил некоторое изменение в моем настроении, и не смог удержаться от вздоха облегчения.

– Ну вот и славно... Поешь немного, дочка, поешь... Силы, они всегда понадобятся. – Он похлопал меня ласково по руке, и проговорил. – Но ведь ты не просто приехала, переживая за Олега. Что-то тебя еще тревожит, я же вижу. А ну, давай выкладывай.

Вот же...! Ничего от старца утаить невозможно! Я внимательно посмотрела на Прона, и, чуть поколебавшись, до того ли сейчас, рассказала все о своих ночных приключениях. Он слушал молча и терпеливо, не прерывая, и не задавая вопросов. Но с каждым моим словом взгляд его становился все тяжелее и тяжелее. А внутри у меня скрутился холодный клубок нешуточной тревоги. Господи, во что же мы опять вляпались?! И судя по реакции старца, на сей раз, кажется, вляпались все вместе, и очень серьезно.

Глава 5

После ухода Катерины, Виктор Анатольевич нервно походил по кабинету, потом подошел к встроенным в стену шкафам-купе, и сдвинул в сторону одну из дверей. За ней оказалась небольшая комната. Такие комнаты обычно бывают в кабинетах высокого начальства, и называются «комнатой отдыха». Внутри горел рассеянный розоватый свет. Но проходить шеф туда не стал, остановился у входа и тихо спросил кого-то, находящегося в глубине комнаты:

– Ну, что скажешь...?

Из комнаты послышался неясный шорох. По-видимому, человек, находившийся там, встал с дивана. Но из комнаты он тоже не вышел, а Пауков не стал входить, так и стоял в проходе, ожидая ответа. После небольшой паузы, прозвучал тихий, какой-то шуршащий, как сухая осенняя листва, голос:

– Не так проста эта твоя Екатерина Юрьевна, какой хочет казаться... Чувствую, мы на верном пути. Но отсюда ситуацию не поймешь. Нужно ехать туда и самому во всем разбираться. – Человек замолчал, и с легкой брезгливостью закончил. – И, пожалуйста, без твоих этих навороченных штучек! И, само собой, без твоих дуболомов. Сам поеду...

Хозяин кабинета почувствовал себя, словно нашкодивший мальчишка. Поморщился, ощутив недовольство собеседника, но возражать не посмел. Коротко и покорно бросил:

– Хорошо. Делай, как считаешь нужным. – И аккуратно задвинул дверь шкафа на место.

Вите Паукову повезло. Про таких говорили «родился с золотой ложечкой во рту». Папа у Вити работал первым секретарем горкома партии в небольшом городке, расположенном в предгорьях Урала. Конечно, это был не большой областной город, и уж, конечно, не Москва. Но их городок тоже был не самым последним местом на земле, не какая-то там Сибирская глухомань. А, если учесть, что отец был тут царем и богом в одном лице, можно сказать, полноправным хозяином, то жизнь была вполне себе ничего, улыбалась мальчику Вите на все тридцать два зуба. Отец Вите любил говаривать, что лучше быть королем в деревне, чем пастухом в городе. Но и сам Витя был мальчиком довольно умненьким, можно даже сказать, одаренным. Отцу не приходилось поднимать бровь в сторону учителей. Учеба ему давалась легко и ясное, радостное будущее светило ему своей звездой впереди вполне себе отчетливо и стабильно.

Еще в девятом классе он влюбился в первую красавицу школы. Родители у нее были простыми инженерами на их химзаводе. Когда отец узнал о чувствах сына, то решил, что время пришло, чтобы отпрыск узнал уже суровую правду жизни. В довольно жестких выражениях он объяснил Вите, что эта девушка ему не пара. Его ждет великое и светлое будущее, и спутница жизни ему нужна под стать. Другими словами «его поля ягода». Понимая, что это самое светлое будущее очень сильно зависит от отца, Витя спорить не стал, но решил, что все равно своего добьется. Добиваться он начал весьма своеобразно. Сначала с компанией таких же, недорослей, чьи папаши имели власть в городе, он избил брата девушки, так, что тот попал в больницу и в итоге стал инвалидом. Безусловно, отец «отмазал» сына, но лишил его на несколько месяцев «дополнительного содержания». Но на Виктора это не возымело должного влияния. Он привык получать то, что хотел. Он не давал ей проходу, третировал ее друзей, всячески давая понять, что от своего не отступится. На выпускном вечере он подкараулил ее в темном, пустом школьном коридоре и просто изнасиловал вместе со своими отмороженными друзьями. Девушка покончила с собой, там же, на выпускном, прыгнув с пятого этажа. История получилась резонансной. Родители девушки требовали расследования, и отец по-быстрому спровадил его в Москву, так сказать, от греха подальше, запихнув его в первый попавшийся институт, который оказался не больше не меньше, а МГУ, на исторический факультет.

Как ни странно, но учеба Виктора увлекла. То, что случилось в родном городе послужило ему хорошим уроком. Он понял, что своего надо добиваться, но не в «лобовой», так сказать, атаке. И что есть множество различных способов, не нарушая закон, довести человека до того, что он сам тебе, на тарелочке выложит желаемое. Да еще и спасибо скажет, что ты это самое желаемое примешь. А еще, он прекрасно понимал, что Москва – это вам не его родительская вотчина, в которой его папа и царь, и бог, в одном лице. И для начала, здесь следовало осмотреться, области, так сказать «жирком» связей. А уж после и усаживаться на «трон».

Шло время, и, миновав стадию «золотой молодежи», Витенька Пауков превратился в Виктора Анатольевича Паукова. История его, как ни странно, увлекала. Он поступил в аспирантуру и, даже, успел защитить кандидатскую. Но тут грянула перестройка, и вся страна покатила со скоростью света в тартарары. Отец сумел быстренько переобуться в воздухе, и приготовил неплохую «подушку безопасности» не только для себя, но и для сына, сумев, по-прежнему, остаться «и царем, и богом» в своем родном городе. Виктор Анатольевич, успевший к тому времени жениться, и даже обзавестись наследником, поспешил на зов родителя, и вместе с ним возглавить «семейную империю». Но в суматохе дней, занимаясь чистой коммерцией, а по-народному, воровством, Виктор не забыл своей страсти к истории. И открыл свой фонд с громким именем «Пегас». При чем тут был крылатый конь из древнегреческих мифов, он объяснить бы не смог даже самому себе. Просто, ему так захотелось и все тут! Собрав вокруг себя, полуголодных корифеев от науки, он с увлеченностью стал раскапывать

старинные легенды, стараясь отделить правду от вымысла, и таким образом, находя древние захоронения, клады, которые вскоре по своей доходности стали превышать его коммерческие проекты. Экспедиции археологов, геологов и этнографов, экипированные по последнему слову науки и техники, стали рыскать по всему Уралу.

Иногда, он сам участвовал в некоторых из них, в основном этнографических. Не ради денег, а ради удовольствия, мог себе позволить. Он это называл «тряхнуть стариной». Вот в одной из таких экспедиций, проводимой совместно с Питерским, бывшим Ленинградским научно-исследовательским институтом, он познакомился с удивительной женщиной, Ольгой Важиной. Что-то в ней было такое, что не позволило Виктору пройти мимо. Она была совсем другой, не такой женщиной, с которыми он всю свою жизнь привык иметь дело. Не «куколкой на час», хотя и была красива. Что-то в ее поведении, манере держаться заставляло Виктора замирать в некоем благоговении. А про себя он думал: вот она, настоящая царица, к ногам которой ему было не жалко бросить все свои сокровища! Но, завладеть этим бриллиантом было не так просто. Во-первых, Ольга была замужем, и, судя по всему, счастлива в браке. Конечно, для Паукова не существовало таких мелочных преград, как чье-то семейное счастье. Но, он, каким-то, глубоко сидящим в нем чутьем, понимал, что силой ее не взять. Тело-то можно, а вот душа... А ему непременно хотелось получить ее всю, всю целиком. Кроме всего прочего, она была еще и неплохим ученым, что безусловно, могло принести компании «Пегас» определенные дивиденды. Именно от Ольги он впервые услышал о Великой Северной Цивилизации, о Гиперборее. Точнее, не просто услышал. Легенду о Гиперборее он знал давно, еще учась в институте. Но, почему-то, тогда она не привлекла его внимания. А Важина рассказывала об этом так, что эта легенда вдруг ожила, приобрела конкретные, какие-то абсолютно реальные черты, словно ожившее полотно великого мастера Времени.

И со всей страстью своей души, Виктор Пауков «нырнул» в самые глубины этой истории. Он создал целый проект в своем фонде, занимающийся поисками утраченной Гипербореи. С какой-то почти маниакальной целеустремленностью, он организовывал экспедиции, и сам принимал в них участие. А главное, во всех этих экспедициях Ольга была рядом, и он мог сколь угодно долго говорить с ней, видеть ее, любоваться ей. С ним происходило что-то непонятное, словно он был чудовищем из сказки «Аленький цветочек». Он почти физически ощущал, как только одним своим взглядом Ольга снимала с его души ороговевший панцирь, слой за слоем. Иногда ему хотелось петь и смеяться безо всякой на то причины, просто, потому что она была рядом. Он решил, что будет терпеливым, и внимательным, он убедит ее оставить мужа. Она должна, просто обязана будет понять, что они просто созданы друг для друга.

И в тот момент, когда он уже почти поверил, что все, что он себе напридумывал, может быть реальностью, случилось это. Она отправилась со всей семьей в горы, в какую-то необыкновенную пещеру. Обещала по возвращении поведать о настоящем открытии. Ее гибель стала для него ударом. Казалось, свет померк и больше никогда солнце уже не будет светить так ярко. На него напала какая-то апатия, угас интерес ко всем его проектам. Он сидел часами в своем кабинете и просто тупо пялился на ее фотографию, разговаривая с ней, будто с живым человеком. Надо было с этим заканчивать. Он спрятал фотографию Ольги в шкаф и закрыл на ключ. Но, что теперь делать дальше, понять никак не мог. Весь его щенячий энтузиазм развеялся, как дым, не оставив никакого интереса.

И вот тогда он впервые встретил ИХ. Его пригласили в МГУ на юбилей факультета. Виктор еще тогда подумал, что нищающее учебное заведение ищет спонсоров. Но, по неведомой причине, все же поехал. Хотя нет, причина у него была. Он думал, что в людской суеде он сможет хотя бы немного отвлечься от своего горя. Заключительный банкет был невыносимо скучен. Но, так как этот самый банкет был, практически, за его счет, Пауков был вынужден остаться. И вот, уже битый час он выслушивал дифирамбы от своих постаревших преподавателей. Скучно. Он уже, было, собрался выскользнуть потихоньку, и отправиться на свою квар-

тиру, которая у него располагалась на одной из тихих московских улочек, как бывший декан факультета подвел к нему двоих мужчин довольно пожилого возраста. У Виктора даже мысль мелькнула «вот еще стареющие попрошайки». Но, поведение декана заставило его повнимательнее присмотреться к вновь представленным. Старик декан излишне суетился, почему-то прятал глаза, и как только представил их друг другу, сразу же, сославшись на какие-то неотложные дела, постарался незаметно улизнуть. Само по себе его поведение уже вызывало недоумение у Паукова. Новые знакомые заговорили о проводимых его фондом экспедициях. Сначала это как-то напрягло Виктора Анатольевича, но затем разговор плавно перешел на тему Гипербореи, и Пауков наострил уши. Заметив его интерес к беседе, который он, впрочем, и не пытался скрыть, один из мужчин, с небольшой седой бородкой, и пронзительными глазами, назвавшийся Игнатом Борисовичем, протянул ему визитку, со словами:

– Если возникнет интерес узнать больше, приходите. Я вам обещаю, что не пожалеете. – И склонив голову в легком старомодном кивке, прихватив под руку второго собеседника, не прощаясь, поспешно удалился.

Пауков в легкой растерянности смотрел на кусочек картона в своей руке. На золотом фоне черными витиеватыми буквами, было написано «Водопьянов Игнат Борисович». Ниже, более мелким обычным шрифтом был написан московский адрес. И все. Ни телефона или факса, ни, ставшим модным в последнее время, адреса электронной почты. Ничего. От завитков букв на Паукова повеяло тайной так, что холодок побежал по спине. Он повертел визитную карточку. На обратной стороне было написано все тоже самое, только латинским шрифтом. Виктор Анатольевич покрутил головой высматривая в шумной, жужжащей, словно рой мух на сладком пироге, толпе, знакомые фигуры, но никого не увидел. Зато увидел бывшего декана, уныло стоящего в сторонке от общего веселья с каким-то немного очумелым видом. Будто, он никак не мог понять, как он здесь оказался, и что он тут делает.

Пауков подошел к старику и попытался выяснить, что это были за люди, которых ему представили. Декан с изумлением смотрел на своего бывшего студента, хлопал на него ресницами и никак не мог понять, о чем тот его спрашивает. Побившись еще немного над старым профессором, Виктор Анатольевич махнул рукой, подумав про себя, что старик стал совсем плох. Не прощаясь, он покинул зал, и сразу же отправился к себе на квартиру. Всю дорогу он думал о своих новых знакомых. Ему, почему-то, казалось, что эти двое явились на эту тусовку только для того, чтобы познакомиться с ним, с Пауковым. Внутренний голос его предупреждал, что они, эти знакомые, не так просты, если не сказать, опасны. Но, с другой стороны, его очень интересовала тема Гипербореи. А еще, в чем он никогда бы не признался даже самому себе, его притягивала некая тайна, окружающая этих странных людей. Поднимаясь к себе на третий этаж, он вслух пробурчал:

– Авантюра... Чистой воды авантюра... – Но уже точно знал, что завтра же отправится по указанному на «визитке» адресу.

На следующий день, с утра пораньше он сразу отправился по указанному на визитной карточке адресу. Место оказалось весьма странным. Почти на окраине Москвы, в каком-то убогом районе, где самыми высокими были пятиэтажные здания весьма обшарпанного вида. Он уже начал сомневаться, а нужно было ли приезжать сюда. Но, по своей давнишней привычке все доводить до логического конца, остановил машину напротив пятиэтажного бетонного сооружения, времен Хрущева, бывшим, скорее всего, каким-нибудь заштатным НИИ советских времен. С сомнением посмотрел на пустынный паркинг рядом со зданием, на, забитые фанерой, окна первого этажа, но все же вылез из уютного нутра своей импортной машины. Его джип на фоне всего окружающего убожества смотрелся словно НЛО на колхозном поле, так же инородно и дико. Поднявшись по ступеням обглоданного временем бетонного крыльца с отбитой плиткой, потянул на себя большую застекленную дверь. В большом холле за обычным деревянным столом сидел неприметный дедок, выполняющий роль вахтера, охранника и

сторожа одновременно. Пауков с изумлением взирающий на все это счастье, уже собирался развернуться и уйти, когда дедок, посмотрев на него хитрым глазом, спросил, чуть откашлявшись:

– А ты к кому, милоч?

Пауков сердито нахмурился, не предполагая, что к нему может кто-нибудь когда-нибудь обратиться подобным образом. Потом достал из кармана визитную карточку, и сунул старику под нос. Тот, надев на нос очки внимательно посмотрел, сначала на карточку, потом на самого Паукова, кивнул головой, и нажал какую-то кнопку у себя под столом. А потом, проговорил ласково:

– Обожди, сейчас за тобой выйдут... – И опять уткнулся носом в газету, которую он читал до этого.

Виктор Анатольевич уже совсем было собрался развернуться и уйти из этого непонятного убогого места, как где-то, совсем рядом, раздался едва слышный щелчок, и в коридоре послышались шаги. Вскоре перед ним предстал суровый мужчина с военной выправкой в строгом черном костюме, безупречно повязанном галстуке, и коротко сказал:

– Следуйте за мной.

Развернувшись почти по-военному, он, не глядя на Паукова направился вглубь коридора, из которого только что вышел. Виктор Анатольевич поспешил за своим провожатым. Мужчина подошел к двери, стекло которой было покрашено белой краской и на кодовом замке нажал комбинацию цифр. Что-то запищало, и дверь с тихим щелчком открылась. Они прошли внутрь. Здесь обстановка была уже более опрятная, что ли. По крайней мере, краска на стенах не свисала лохмотьями, и пол был застелен ламинатом, а не драным линолеумом. Пройдя мимо закрытых дверей, сопровождающий Паукова мужчина, повернул в одно из ответвлений коридора и остановился возле лифта. Лифт был древней конструкции. Такие Пауков помнил по своему детству в старых допотопных зданиях. Мужчина опять набрал комбинацию цифр на небольшой панели. За стеной что-то заскрежетало, задребезжало, и металлические двери разъехались в стороны. Мужчина сделал шаг в сторону, приглашая Паукова пройти внутрь первым. На вопросительный взгляд, коротко ответил:

– Вас там встретят.

Виктор Анатольевич шагнул внутрь, ощущая себя пастухом, входящим в логово дракона. Двери за ним со скрипом закрылись, кабина затряслась, залягала, точно голодный волк зубами, и поехала вниз. Да, именно, что вниз, а не вверх, как он этого ожидал. Наконец лифт остановился, двери разошлись в стороны, и Пауков, выйдя из кабинки железного старого монстра, замер, чуть ли не широко открыв рот. Контраст увиденного был настолько велик, что вызывал в первое мгновение легкий шок. В нескольких словах окружающую обстановку можно было описать очень коротко. Хром, стекло, пластик, будто, он из далеких, теперь уже, семидесятых, попал в двадцать первый век, а может быть даже и в двадцать второй. Здесь его встретил такой же молчаливый мужчина, в точно таком же черном костюме, как и первый его провожатый. Можно было подумать, что они были братьями близнецами, несмотря на разные фигуры и лица. Он, так же молча, повернулся, приглашая визитера следовать за ним. За стеклами, отделяющие основной коридор от комнат, работали люди в белых халатах. Они копались возле каких-то приборов, механизмов, колб и реторт.

Пока они шли до высокой полированной дубовой двери безо всяких табличек, которые бы указывали, что именно за этой самой дверью находится, Паукову удалось справиться со своим удивлением, и даже, привести свои мысли в некоторый порядок. У него оставался в голове лишь один вопрос. Какое отношение вся эта кипящая научная суета имеет к вопросам истории Гипербореи. Но, он посоветовал себе запастись терпением, в надежде, что скоро все узнает. Ну, если и не все, то хотя бы, тот минимум, который позволит ему понять, куда же это он попал. Тем временем, человек в костюме без стука отворил дверь и сделал приглашающий

жест. Сам же сопровождающий в дверь не вошел. Пауков усилием воли стряхнул с лица выражение удивления, и некоторой растерянности, перешагнул порог.

Обычным этот кабинет можно было назвать с большим трудом. Тяжелая дубовая, и как видно, старинная мебель, две стены завешены картами Герарда Меркатора¹ и Пири Рейса². Остальные две, в том числе и стена с дверью, через которую вошел Пауков, до самого потолка были уставлены книгами. В углу на тяжелой бронзовой подставке стоял огромный глобус, изготовленный так же по картам Меркатора. Из-за дубового полированного стола, навстречу гостю поднялся давешний знакомец Паукова, Игнат Борисович Водопьянов, приветствуя гостя счастливой улыбкой.

– Дражайший Виктор Анатольевич...!! Милости прошу... – Он указал гостю на несколько кресел, стоявших в углу комнаты, недалеко от громадного глобуса. – А я, признаться, уже начал волноваться, придете ли? Но, потом, знаете, решил для себя, что настоящий искатель, коим вы являетесь по моему скромному представлению, не сможет пройти мимо ТАЙНЫ.

Его глаза весело поблескивали из-за очков в толстой роговой оправе. Пауков, едва улыбаясь на вежливые слова хозяина, кивнул головой.

– Да, признаться, не ожидал... Умеете вы удивлять, Игнат Борисович! У вас тут целая подземная лаборатория, можно сказать, научный центр. А оснащение? Такому и Академия Наук любого западного государства позавидует, не говоря уже о Российской. Я весь преисполнен трепетного ожидания в предвкушении вашего рассказа.

Водопьянов усмехнулся, присаживаясь напротив Паукова в удобное мягкое кресло. Виктор Анатольевич не успел заметить, как и когда хозяин подал сигнал, но, по-видимому, следуя ему, двери неслышно распахнулись, и давешний провожатый молча вкатил сервированный к чаю столик, поставил его рядом с креслом хозяина, и так же молча удалился. Игнат Борисович сделал широкий приглашающий жест, и стал разливать из изящного фарфорового чайника по чашкам ароматный напиток.

– Простите старика, ради Бога, но не сторонник я этих европейских новомодных привычек. Кофе не люблю. Предпочитаю напиток, коим не пренебрегали наши предки – травяной чай. И для здоровья полезно, и сердце веселит. Так что, не обессудьте! Чем, как говорится, богаты...

Они непринужденно еще побеседовали так, ни о чем, минут пятнадцать, и Пауков стал слегка раздражаться. Он бизнесмен и не привык тратить свое время за праздными беседами. Хозяин кабинета, безусловно, заметил, едва нахмуренные брови собеседника, и то, как тот стал вертеть в нетерпении изящную чайную ложечку. Едва заметно усмехнулся и покачал головой. Заметив это, Пауков нахмурился еще больше. Они что, считают его глупым юнцом?! Но высказывать свое нетерпение не стал, сдержался. И это тоже не ускользнуло от внимания Водопьянова. Тот удовлетворенно хмыкнул, словно отвечая себе на собственные мысли, посерьезнел лицом, заговорил, так сказать, о деле.

– Дорогой Виктор Анатольевич, полагаю, вы знаете о Гиперборее достаточно много. Хотя, мало кто может похвастаться подобными знаниями. Уж больно они запрятаны, закодированы и засекречены. Вот, например, взгляните на эти карты. – Он легким жестом указал на одну из стен. – Здесь вы видите карту Пири Рейса, знаменитого турецкого флотоводца начала шестнадцатого века. При этом, хочу заметить, что сам адмирал Рейс никогда, подчеркиваю, никогда не покидал сам пределов Средиземного моря. Вы спросите, тогда откуда он мог изобразить столь точно, до малейших деталей нашу землю? Сам Рейс очень пространно объяснял это в своих мемуарах, что данные взяты из древних рукописей «северных народов», которые попали в Средиземноморье после походов Александра Македонского. А как они попали

¹ Герард Меркатор – фламандский географ и картограф 16 века

² Пири Рейс – знаменитый турецкий флотоводец начала 16 века

к самому Македонскому, история умалчивает. Кстати, культура эллинов берет свои истоки именно от Гипербореи. Если помните, Аполлон, один из двенадцати богов греческого пантеона носил прибавку к своему имени. И полностью его звали Аполлон Гиперборейский. Так что, греки зря кичатся своей, так сказать, первородностью, точнее, первородностью своей культуры, которая послужила отправной точкой культурного развития всей Европы. Основой этой самой культуры, начиная от алфавита и кончая величайшими открытиями того времени, является как раз-таки, культура наших с вами предков, Северной Цивилизации. Ну, это так, к слову. Думаю, как историк, вы это прекрасно знаете. Так вот, если вы можете заметить, на этих картах, помимо материка Гипербореи, обозначены довольно точно материка Северной и Южной Америки. Заметьте, о существовании континента Америки люди знали давно, задолго до легендарного плаванья Колумба в конце пятнадцатого века, и до плаванья Америго Веспуччи в начале шестнадцатого. Например, орден Тамплиеров знал об этом славном континенте еще в тринадцатом веке. Да, мало ли народа плавало за океан, начиная от египтян и кончая славными викингами. К слову говоря, наши с вами предки особо себя плаванием не утомляли. Они посещали Америку в основном, так сказать, пешим порядком, через Аляску. Но дело не в этом. Точной карты очертаний континента, со всеми прилегающими к нему островами, не мог сделать никто из них. И карты эти взялись, обращаю ваше внимание, из «старинных рукописей северных народов». А кто-нибудь задавался вопросом, а откуда они взялись в этих самых рукописях, так называемых «северных народов»? На самом деле, это и есть главный вопрос, из ответа на который можно подчерпнуть очень занимательную информацию, которая, в свою очередь, может перевернуть весь мир, если получит широкую огласку. – Он на мгновение прервался, чтобы сделать несколько глотков чая. Прикрыв глаза, он посмаковал его вкус во рту, довольно вздохнул, и продолжил. – А, еще, на этой карте нанесен материк Антарктида, который по версии современных историков открыли наши с вами земляки, русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев в 1820 году. И, к слову, о современной истории. Я считаю ее псевдонаукой, потому что, она предпочитает не замечать очевидных фактов. Ну, впрочем, это довольно длинный разговор. – Он на несколько секунд замолчал, опять прихлебывая из чашечки чай. А потом вновь заговорил мягким, словно мурлыкающим, голосом. – Не судите старика строго за его столь фанатичное отношение к такому увлекательному предмету, как история. Я, собственно, хотел вам задать только один вопрос. – Он глянул неожиданно пристально и пронзительно на собеседника, а Пауков себя почувствовал жуком, которого только что накололи на острую иглу и прикрепили к стенду. – Как вы относитесь, уважаемый Виктор Анатольевич, к тому, чтобы прожить не восемьдесят, в лучшем случае, девяносто лет, а так скажем, эдак лет четыреста или пятьсот?

Пауков, не сдержав эмоций, в досаде поморщился. Ну надо же было потратить полдня на беседу с этим сумасшедшим стариком! Заметив его гримасу, хозяин кабинета тихонько рассмеялся.

– Хотите я скажу, о чем вы сейчас подумали? Старик выжил из ума! – Он пристально посмотрел на Виктора Анатольевича, и у того по спине поползли холодные мурашки от его взгляда. Он невольно поежился и заерзал в своем кресле. А Водопьянов, царственно махнул рукой, мол не тушуйтесь, дражайший. И заговорил вновь тихим спокойным голосом, совершенно не напоминая сбрендившего эксцентричного субъекта. – Прежде вы сочтете свое время потраченным зря, и уйдете из этого кабинета, я попрошу вас дослушать меня до конца. Что вы слышали о тайном обществе Копейщиков?

Пауков пожал плечами, и чтобы его собеседник понял его правильно, для верности отрицательно помотал головой. Водопьянов усмехнулся.

– Все правильно. Единственное упоминание об обществе Копейщиком можно найти в летописях времен царя Ивана Четвертого, впоследствии названного Иваном Грозным. Копейщики тогда были чем-то вроде секретной службы. Сеть Копейщиков охватывала своей незри-

мой паутиной всю страну, от Нарвы до отдаленных уголков Сибири. И, предполагаю, именно тогда они наткнулись на тайные убежища Гиперборейцев, ушедших после катастрофы, постигшей их материк под землю. Кстати, слово «Гиперборея» было придумано вездесущими эллинами, и означало «за Бореем», то есть, за Северным ветром. У северных народов же, этот материк носил название Ультиме Туле, что означало «оконечный остров», другими словами, край Арктиды. Именно под этим названием он и проходил во всех скандинавских эпосах, и упоминался стариком Вергилием в его поэмах. Об этой земле писал и знаменитый русский поэт, литературовед, Валерий Брюсов. – И он пафосно продекламировал –

*Где океан, век за веком, стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Высится остров, давно моряками забытый, –
Ultima Thule.
Остров, где нет ничего и где все только было,
Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой,
Ultima Thule.
Пусть на твоих плоскогорьях я буду единым!
Я посещу ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам,
Ultima Thule.*

Пауков все еще смотрел с некоторой неприязнью и нетерпением на старика. Потом, не выдержав, и сердито проговорил:

– Простите, Игнат Борисович, все это безумно интересно, но, я бы хотел поближе к делу. Какое все это имеет отношение к вашим словам о ... – Он слегка замылся, подбирая правильное слово. – ... О долгожительстве в целом и моем в этом участии в частности.

Старик глянул на него жестко, словно ледяной водой окатил:

– А вы нетерпеливы и не выдержаны, дражайший Виктор Анатольевич. Это плохо. Придется вам над собой поработать. Хотите ближе к делу, пожалуйста. Гиперборея не миф, и не сказка. И наши предки об этом знали. Люди на этом удивительном материке жили столько, сколько сами того хотели, и умирали тоже только тогда, когда хотели. Не говоря уже о великих технологиях во всех областях науки, до которых нашей цивилизации еще ползти и ползти, как черепахе до Луны. Все свои секреты они унесли с собой. И только некоторые, избранные из них, прозванные Малыми Учителями, призваны ходить по земле и делиться с людьми малыми крохами великих знаний. В тайном месте под землей у них есть единый центр, где все накопленные знания хранятся по сей день. Своеобразный компьютер, который у них называется Камень Демиурга. А каждый из Малых Учителей носит с собой, как бы, небольшой прототип этого камня, так называемый Малый Камень Демиурга. Именно он, этот камень, хранящий в себе небывалые, невиданные тайны и служит залогом их бесконечно долгой жизни. Общество Копейщиков выслеживало этих людей, пытаясь завладеть хотя бы Малым Камнем Демиурга. Но это никогда не удавалось. И лишь однажды, уже в наше время, точнее, всего лет двести назад, нам почти удалось это сделать. Копейщики вышли на Малого Учителя и пленили его. Но перед этим, он все же успел избавиться от Камня, выкинув его в бурную реку. Тогда нашим братьям достался только деревянный футляр, в котором долгое время хранился камень. – Старик оживился. Внезапно вскочил с кресла, и возбужденно проговорил. – Пойдемте, я вам кое-что покажу!

Пауков поднялся вслед за Водопьяновым. Тот подошел к одной из книжных полок, повернулся лицом к книгам и произвел некую манипуляцию, поочередно вытаскивая определенный том, и тут же ставя его обратно. Полка вдруг выдвинулась вперед, а затем, сдвинулась в сторону, открывая проход в освещенный коридор. Игнат Борисович быстрым шагом отпра-

вился внутрь этого коридора. Паукову ничего другого не оставалось, как последовать за ним. Коридор привел их к двери, очень похожей на сейф. Хозяин всего этого чуда набрал код, и тяжелая дверь, способная выдержать ядерный удар, с шипением сдвинулась, пропуская их в довольно большую квадратную комнату. Там не было ничего, кроме прямоугольного стола из странного, похожего на черный пластик, материала. А на нем сверху стоял стеклянный куб, разделенный тонкой железной сеткой на две равных части. В одной стояла открытой небольшая шкатулка и старого, потемневшего от времени, дерева. Крышка была откинута, шкатулка была пуста. А в другой половине сидела... белая мышь. Это Паукову сначала показалось, что мышь была белой. Присмотревшись внимательно, он понял, что мышь была... седая! Это его так поразило, что он в удивлении захлопал ресницами. Никогда в своей жизни он не встречал седых мышей, и даже, не слышал о таковых.

Водопьянов смотрел на грызуна с каким-то особенным, почти нежным чувством. Он погладил рукой поверхность куба, и спросил Паукова:

– Только, не удивляйтесь моему вопросу. Вы знаете, сколько живет мышь? Обычная домашняя мышь?

Пауков усталился на старика в недоумении, и проговорил:

– Никогда об этом не думал, и зоологией не увлекался даже в детстве.

Водопьянов усмехнулся:

– Обычно в природе мыши не живут дольше полутора – двух лет. В домашних условиях они живут чуть дольше, примерно до трех лет. Известен даже случай, когда продлить жизнь этому грызуну удалось до пяти лет. А вот наш Вергилий живет уже в течении пятнадцати лет! И как видите, за исключением поседевшей шерстки, ничто более не выдает его почтенный возраст. По человеческим меркам это примерно восемьсот лет! И прошу вас заметить, что все эти годы Вергилий просто находится рядом с коробкой, в которой хранился Малый Камень Демиурга! – И Игнат Борисович с торжеством во взгляде усталился на слегка ошалевшего Паукова.

Глава 6

Прон, после моего рассказа обо всем, что случилось со мной в городе, надолго замолчал. Я старика не торопила. Прихлебывала себе остывающий чай, да посматривала на него с вопросом в глазах. Наконец он тяжело вздохнул, словно очнулся, выныривая из того мира, куда его увели раздумья, и заговорил медленно, будто выискивая нужные и забытые слова из далекой, далекой памяти.

– На первый взгляд, все, вроде бы, обычно. Встревоженный отец хочет узнать, что же на самом деле случилось с его сыном. Ну, а способ добывания информации, вся это слежка за тобой, потом перехват на посту ГАИ, все это вполне вписывается в рамки его характера и привычек. У них же, которые смысл жизни видят в добыче денег, и подход к людям определенный. Для них вся жизнь, как торг на базаре. А что купить не могут, то силой взять надо. Так что, тут все, как раз таки, понятно. Меня волнует другое. – Он замолчал, словно, не решаясь высказать свою мысль вслух. Встал со своего места, принес с плиты чайник и долил кипятку в заварник. Потом, долил себе в кружку чая, отхлебнул и, решившись, все же, заговорил. – Я тебе должен рассказать одну историю. Точнее, даже не историю, а некоторые сведенья. Не знаю, возможно, я дую на воду. – Он грустно усмехнулся, глядя на мое растерянное лицо. Таким Прона я не видела еще никогда. Было от чего растеряться! – Чувствую себя, будто, я, как та пуганная ворона, которая каждого куста боится. Но, думаю, тебе это знать надо. Мало ли... – Все эти его вступительные фразы меня привели вообще в состояние трясучки. Так и хотелось сказать: «Да, говори уже!! Не тяни!!» Но, я сдержалась. Незачем старца торопить. Он лучше знает, что и когда надо говорить. Забыв про чай, уставилась на него внимательно, почти, затаив дыхание. А он начал, слегка нараспев, словно не историю рассказывал, а древний сказ читал. Хотя, возможно, так оно и было. – Очень в давние времена, когда ледник стал отступать обратно на север, убирая свои лапы с истерзанной земли, люди стали возвращаться постепенно на родные

земли, заново их обживая. Младших Учителей было тогда больше, намного больше. Они селились вместе с людьми, заново их обучая как землю пахать, как зверя бить, как богов славить. Стали появляться такие, кто не хотел обучаться всему постепенно, кто хотел разом познать всю мудрость, получить все богатства и долгую жизнь. Не хотели они учиться любить. Не понимали, что искру в костре надо раздувать постепенно, чтобы не обожгло враз взметнувшееся бушующее пламя. Им мнилось, что гиперборейцы хотят их подчинить, пользуясь своими знаниями и силой. Завидно им было, что век Учителей во сто крат превышал век обычных людей. Мало таких было. Но, принялись они за Малыми Учителями охотиться, чтобы те раскрыли им сразу все тайны древней Гипербореи. Захотели они сравняться с древними богами. Глупцы... Увы, так всегда было, и, опасаясь, что так всегда будет. Алчность и злоба, коварство и предательство, всегда противостояли чистым помыслам, и отважным сердцам, наполненных любовью. Сами себя эти люди называли «Копейщики». То ли, потому что основным их оружием были копья, то ли, потому что, вкладывали в это название некий символизм. Что, мол, они – это копье в руках самой судьбы. Так или иначе, со временем, им удавалось вовлечь в свои ряды достаточное количество довольно влиятельных людей, которых прельщало не столько богатство Гипербореи, сколько долгая, по меркам человека, почти вечная жизнь. Ты же знаешь, что ко злу дорога легка и приятна, только потом платить по счетам замучаешься. А вот к добру, дорога ухабиста и трудна, а иногда, даже, смертельно опасна. И каждый выбирает то, что ближе его сердцу. – Он со вздохом замолчал, и посмотрел внимательно на меня. А потом, с легкой усмешкой спросил. – Тебе не надоела болтовня старика? Поди, думаешь, на кой он мне это все рассказывает, и какое это все имеет отношение к нынешней ситуации? Мне очень не хочется это говорить... Да, что там, говорить!! Мне даже думать об этом не хочется! Но, я боюсь, что «уши» этой экспедиции растут именно оттуда, из глубины веков, как бы это тебе странным не казалось. Так вот, о Копейщиках. Одно время они даже возглавляли некую тайную службу при наших царях. В летописях об этом говорится весьма скупое и коротко. Это в людских летописях. А в огромных архивах подземных городов, хранятся весьма подробные записи на эту тему. И сдается мне, что твой недавний визави, как раз-таки, из этой компании. Уж больно методы, да и стремления у них похожи, и за прошедшие века нисколько не изменились. Все, что захотим – купим, а что не продадут – силой отнимем. Весь остальной народ – быдло, а мы – избранные, которые призваны этим быдлом управлять. Как-то так. – Я было открыла рот, чтобы высказаться по этому поводу, но Прон не дал мне сказать, остановив жестом руки. – Погоди. Отвечаю на твой вопрос, откуда у меня такая уверенность. Камень Демиурга. О нем знают только посвященные, и никто больше. Никаким секретным службам в мире не известно о Камне Демиурга. Отсюда следует вывод... Какой, догадайся сама. И Медвежий Яр они в покое не оставят. Значит, мы должны быть готовы ко всему.

От его рассказа у меня голова пошла кругом. Вот же, черт!! Только секретных обществ здесь в тайге и не хватало!! Но я, все-таки, задала еще один вопрос старцу.

– Скажи, а что, по-твоему, предпримут эти самые Копейщики, после такого громкого, можно сказать, на всю тайгу, провала своей экспедиции? Они что, штурм врат организуют? Но, если они не совсем идиоты, то должны бы понять, что врата им силой не взять! А мне Пауков-старший идиотом совсем не показался. Умненькая такая акула. И еще... Скажи, а раньше они пытались проникнуть во врата?

Старик задумчиво сграбастал пятерней свою бороду, как обычно он делал, будучи чем-либо озадаченным, и уставился на меня невидящим взглядом, словно меня тут и вовсе не было. Потом, будто вынырнув из омута своей памяти, проговорил:

– Случайные проникновения во врата бывали, но крайне редко. И, дальше межмирья никогда и никому пройти не удавалось. Да, ты и сама теперь знаешь, что это невозможно, проникнуть дальше межмирья, если у человека на уме корыстные цели. И нет, я не думаю, что они будут штурмовать врата силой. Скорее, они станут искать Камень своими старыми

методами, выискивать Младших Учителей, шантажировать их, а если не получится, то просто применяют физическое воздействие. Это тоже не очень просто, точнее, почти невозможно. Но тут у них есть малюсенький шанс. Малые Учителя – они ведь тоже люди. И у этих людей есть свои слабости. Что мне тебе рассказывать, ты и сама все понимаешь. Ведь заставили же они Олега открыть для них врата, взяв тебя в заложники. – Я опустила голову, воспоминания придавливали меня не хуже бетонной плиты. Прон тяжело вздохнул. – Вот, то-то и оно...

Но тут до меня, наконец, дошел весь смысл сказанного старцем, и я испуганно спросила: – Это что же получается, значит они продолжают преследовать Олега, так что ли?

Прон покачал задумчиво головой.

– Не думаю. У Олега на лбу не написано, что он один из касты Учителей. А те, кто мог о чем-либо подобном догадаться, уже ничего рассказать не смогут. По крайней мере, внятно. Да, и потом, еще неизвестно, останется ли еще Олег Учителем, и вернут ли ему Камень Демиурга, мы пока не знаем. Вот, вернется с Совета, тогда и будем гадать, что нам дальше делать. А пока, я должен предупредить Совет, о том, что, похоже, Копейщики опять зашевелились. А ты, дочка, езжай домой. Как Олег вернется, так сразу тебе знать дадим. – И он ласково похлопал меня по руке.

Мы еще немного посидели в молчании, каждый думая о своем. Сиди, не сиди, ничего не высидишь, как говаривала моя бабуля. Я поднялась, поблагодарила старика за угощение и за науку, и отправилась в обратный путь. Асхат решил меня проводить. Но, я постаралась убедить медведя, что там, куда я еду, много людей, и не все из них проникнутся дружбой и желанием поиграть с медведем. Проводив нас с Люськой до вершины горы, Асхат отстал. Изредка оглядываясь, я еще долго видела неподвижную, словно, высеченную из камня, фигуру косолопного друга, замершего на вершине горы.

Следующие два дня прошли в суматохе и нервотрепке. Суматоха была вполне обычная, рабочая, можно сказать. А вот, от неотступных мыслей о судьбе Олега и обо всем произошедшем со мной, деваться мне было некуда. И эти беспокойные мысли меня совсем доконали. Я все время к чему-то прислушивалась, стараясь уловить что-то неслышимое, и невидимое, витающее в воздухе, звучащее в скрипе зимних замороженных стволов, и даже в гуле работающей пилы, как бы странно это не звучало. Я ждала весточки от Олега, а ее все не было. Они что там, на своем Совете, уморить его решили, а вместе с ним и меня?! Стискивая зубы, я сдерживала себя из последних сил, чтобы не рвануть напрямки, по сугробам к Медвежьему Яру. Удерживал от подобного поступка меня только здравый смысл. Ну, и что, прибегу я к вратам, сяду там и буду сидеть? Войти, я все равно туда не могу. Даже если я попытаюсь это сделать... Ну, предположим, что у меня это получилось? Что ждет меня за вратами, я уже знала, но в межмирье надо найти путь, который приведет меня туда, куда надо. А иначе, там можно плутать до конца своих дней, так ничего и не найти. Да, и мое появление, думаю, Совет совсем не обрадует, а еще мой безумный поступок может плохо отразиться на самом Олеге. Вот поэтому я металась, как волк в клетке, готовый грызть эти чертовы прутья, только бы вырваться на волю. Ночами я почти не спала, стояла на крыльце своей избушки, закутавшись в шаль, и пялилась в ночное небо над тайгой, в надежде увидеть радужные всполохи, которые означали бы, что из врат кто-то вышел.

Понятное дело, со всеми этими волнениями я совершенно забросила свои бумажные дела. Не до бумаг мне как-то было. Мужики видели мою нервозность и маету, мои покрасневшие глаза, но ничего не спрашивали и не говорили. Были какими-то притихшими и, до тошноты, послушными и неперечливыми. Несколько раз я нечаянно подслушала, как они приставали к Василичу и Андрею, на предмет «что с матерью?». Но, оба молчали, будто в застенках гестапо. Один, потому что попросту ничего не знал, а второй, потому что не мог говорить, по причине верности и дружбы. В конце концов, я взяла себя в руки. Личное не должно касаться

работы. За одну ночь (все равно, не спалось) сделала отчеты по всем делам, а на следующее утро отправилась в лесничество, чтобы эти самые отчеты сдать.

Саныча я застала в конторе, уныло перебирающего бумажки. При виде меня, лесничий обрадовался, расцвел улыбкой и запел, раскинув руки, словно готовясь принять меня в свои объятия.

– Какие люди к нам пожаловали!!! А я уж думал, все, пропала наше Юрьна, затянуло ее в болото городской цивилизации. Бары, рестораны, концерты, театры... Куда нам с городом тягаться!

Пока он все это проговаривал, я успела подойти, и пожать ему протянутую руку. Потом, безо всякого приглашения, уселась на стул, и подмигнула ему.

– Саныч, дурака кончай валять, лучше, организуй чайку. Я тебе тут гостинцев городских вкусненьких привезла.

Он усмехнулся, глядя на мою деловитость и гаркнул, что есть мочи так, что у него карандаши и ручки, стоявшие на столе в простом стаканчике, жалобно задребезжали:

– Теть Шур!!! Сделай-ка нам с Катериной Юрьной чайку!!

Я, между делом, достала свои бумаги, и разложила их перед Санычем на столе. Не успела и рта раскрыть, чтобы объяснить, что и где, как двери отворились, и на пороге возникла полная женщина с улыбочивыми серыми глазами, румянцем во всю щеку и заборными мелкими кудряшками на голове, бухгалтер лесничества. Александра Ивановна, а в миру, просто, тетя Шура, и внесла небольшой пластиковый поднос, с чайником, двумя чашками и вазочкой с карамельками. Увидев меня, ласково пропела:

– Ой, Катюша... А мы тут уже тебя ждали. Уехала в свой город, и пропала. Давеча Василич прибежал в магазин, так переживал шибко. У тебя все хорошо?

Я закивала, улыбаясь в ответ.

– Все хорошо, тетя Шура. И у вас, как я вижу, тоже все в порядке. Не меняешься, все такая же молодая, да бодрая!

Ставя поднос на стол, она усмехнулась, отдавая дань моему бесхитрому комплименту.

– Скажешь, тоже, молодая! Уж шестой десяток пошел...

Я с улыбкой проговорила:

– Так о том и речь!! Пошел, не пошел, а ты все в одной поре... -Я полезла в свою сумку, и извлекла оттуда коробку шоколадных конфет, перевязанную нарядным бантом. Протянула ее женщине со словами. – Прими, тетя Шура, гостинчик тебе из города.

Та зарделась от удовольствия, и забормотала со смущением:

– Да, зачем, Катенька... Небось дорогие...

Я только головой покачала.

– Не дороже денег, тетя Шура. С чайком попьешь.

И тут я уловила тоскливый взгляд лесничего, переходивший с вазочки с карамельками на яркую коробку в руках у своего бухгалтера. Ну, чисто, малое дите! Я полезла опять в сумку, и достала еще одну, точно такую же коробку. Положила ее на стол, и подмигнула Санычу.

– И про тебя не забыла. Так что, тете Шуре нет нужды делиться с тобой.

Женщина тихонько прыснула со смеха в кулачок, и поспешила покинуть кабинет начальства под сердитым взглядом хозяина кабинета. Вся деревня знала о слабости Саныча к шоколадным конфетам.

Чай мы выпили, неспешно беседуя о производственных вопросах. Саныч попросил меня послать в деревню трактор, чтобы дороги почистить после бурана. Трактор лесничества дышал на ладан, и мог застрять в любом сугробе. В общем, беседа прошла, как и полагалось, со взаимной приязнью и дружеским участием. Я уже засобиравшись в обратный путь, когда Саныч, словно что-то вспомнив, остановил меня.

– Да, Юрьна, чуть не забыл. К нам егеря нового посылают. То ли охотхозяйство раздобрилось, штат расширило, а может еще по какой причине, не знаю. – И он внимательно, со значением, посмотрел на меня. Не дождавшись от меня никакой словесной реакции, продолжил. – Я им говорю, что ж так внезапно-то, посередь зимы? У нас для него и жилья никакого нет. Разве что, на постой к кому определить. А мне отвечают, мол не кручинься и не горюй, не твоя, мол, это проблема. Егерь будет жить на заимке, которую летом экспедиция строила. Ты только ему лошадь выдели, а остальное, мол, наша забота. И уже, говорят, сегодня и явится. – И он опять уставился на меня, словно пытаюсь влезть в мою черепушку.

Я молчала, как рыба в гастрономе на прилавке, стараясь придать своему лицу равнодушное выражение, говорившее: «А мне-то что? Мое дело-сторона.» А у самой мысли метались со скоростью испугнутых белок. У меня, почему-то, даже сомнений не возникало, что не простой это егерь, ох, не простой. Вот, только нам еще тут шпионов не хватало! Хотя, после всего произошедшего с экспедицией, подобных шагов следовало ожидать от Паукова-старшего. Теперь он решил сначала «брод» разведать, а уж потом в воду лезть. Ох ты, Господи... Я усиленно размышляла, а Саныч пристально за мной наблюдал. Заметив его внимательный взгляд, я расплылась в улыбке, стараясь придать лицу некую беззаботность и даже пофигизм. Бодрым голосом проговорила, подкрепляя этот самый пофигизм на лице словом:

– Ну, значит, у нас скоро сосед появится. Приглядывать за порядком будет.

Саныч сокрушенно покачал головой и с тяжелым вздохом проговорил:

– Знаешь, Юрьна, что тебе скажу, ты можешь из меня дурака не делать. Я думал, мы с тобой друзья, и я такого отношения не заслужил. – Я набрала в грудь воздуха и выпучила глаза, собираясь высказать ему свое праведное негодование. Но, он мне шанса не дал. Махнул рукой, и обиженно проговорил. – Ты тут дурочку валять завязывай! Я тебя, как облупленную знаю, за столько лет изучил уже. Что тогда случилось, не спрашиваю. Да, и ты вряд ли мне правду скажешь. Но, вот, что я тебе скажу. Ты там поосторожнее будь. Ухо остро держи. Не нравится мне это новое назначение. Нам егерь по штату не положен, это я точно знаю. Задумали опять что-то эти... Которые экспедицию отправили сюда. А деньжищ у них, судя по всему, немеряно, и люди они непростые. Ты там, знахаря предупреди тоже.

От подобной прозорливости я аж ресницами захлопала. Все-таки, человек живущий на земле не утратил ни мудрости, ни ясности ума. Я вздохнула тяжело, и заговорила тихо, доверительно:

– Саныч, ты же понимаешь, не моя это тайна и рассказать тебе много не могу. Но врата в Медвежьем Яру уберечь надо. Не то беда может случиться. Да такая, что и представить себе не можешь.

Лесничий посмотрел на меня внимательно, и кивнул головой.

– Кать, я уже догадался. А то, что ты влезла по самые уши во все это, меня ничуть не удивляет. Если бы не влезла, вот тогда бы я удивился. А так... В общем, я предупредил, а там, сама смотри.

Я тоже, тяжело вздохнув, поднялась со стула, собираясь покинуть кабинет. Уже когда взялась за ручку двери, Саныч опять заговорил:

– И... это, Катюх, имей ввиду, если что... В общем, можешь всегда на меня рассчитывать.

Я серьезно посмотрела на лесничего, и, вложив в голос всю душевность, на какую только была способна проговорила:

– Спасибо, Саша... Я знаю. – Махнув рукой, вышла за дверь.

Глава 7

Остаток дня прошел в обычной рабочей кутерьме. Бригады работали, как на стройках первых пятилеток, ударно, без остановки. Под жесткой Андриюшиной рукой все крутилось и вертелось с четкостью, хорошо отлаженного и смазанного механизма. Я даже пошутила, что без меня у него лучше получается. Андрей шутки не принял. Сурово глянул на меня и пробурчал:

– Мать, не говори так. Мне до тебя еще расти и расти.

Но я-то уже видела, что с него получается, можно сказать, вырастает на глазах, очень хороший руководитель. Да и мужики его уважали безмерно. Надо сказать, было за что. Вечер прошел, как обычно. Планировали с бригадами завтрашний день. Одна из бригад заканчивала лесосеку раньше времени, и мы с ними намечали переезд. Выходило, что к весне базу придется, все-таки, переносить на другое место, чем здорово огорчили Василича. Был другой вариант, обменяться лесосеками с лесничеством, и я обещала обсудить это с Санычем. Послезавтра должны были прибыть машины на погрузку, и один трактор пришлось снять для расчистки дороги, иначе машины просто не сумеют добраться до верхнего склада после прошедших буров. В общем, все, как обычно. Поужинали, сходили в баню, и разбрелись по своим домикам.

Все это время, пока я занималась производственными и организационными вопросами, из головы у меня не выходили мысли об Олеге. Как он там? Какое наказание ему изберут Старейшие? Почему-то я была уверена, что они учтут все события и примут правильное и мудрое решение. Но, в глубине души тревога скрутилась заснувшей гадюкой, и, время от времени, принималась поднимать свою голову с громким шипением. А еще, я думала о новом егере. Что если, егерь, который едет к нам, это просто егерь, и ничего больше? И тут же сама себя одергивала. Угу... С нашим-то счастьем... Надо было сообщить Прону об этом. Береженого, как говорится, Бог бережет. И как добавляли мои мужики, «а не береженого – конвой стережет». В общем, с вечера мне не спалось. Затопила печку, поставила чайник, хотя чая совсем, вроде бы, и не хотелось. Пыталась почитать книгу, при зажженной керосинке. Но, читать-то я читала, и страницы довольно бодро перелистывала, но ни одного слова из прочитанного до меня не доходило. И кто бы спросил у меня, о чем книга, даже под страхом смертной казни, не смогла бы сказать.

Чайник закипел, гроыхая крышкой, и это вывело меня из задумчивости. Встала, заварила щепотку душицы. По домушке поплыл аромат, навевающий мысли о лете. Обхватив кружку двумя руками, словно пытаясь согреться, задумалась. Память меня тут же услужливо увела в прошлые дни. Перед глазами поплыли картины нашей первой встречи с Олегом, назвавшимся мне Одином, как я сидела на земле, хлопая ресницами после пережитого испуга от внезапной встречи с медведем, который, в свою очередь, оказавшись другом Олега. И дальше, дальше, дальше... Наши встречи, наши разговоры, его серьезный взгляд, от которого у меня сжималось все внутри и прерывалось дыхание, легкое касание рук, его насмешливый голос. И я не заметила, как заплакала. Слезы катились из глаз горохом и, с тихим звуком, падали прямо в кружку с чаем. Я пришла в себя. Вот только этого сейчас и не хватало!! Давненько я не позволяла себе подобных слабостей, и сейчас этого делать не стоит! Решительно встала, плеснула из умывальника пригоршню воды в лицо. Зашуршала коробкой под столом, в которой у меня были спрятаны всяческие мелкие «зачапки» на какой-нибудь непредвиденный случай, например, на приход неожиданных гостей. Пара пачек пряников, несколько бутылок хорошего вина, какие-то конфеты в мешочке, несколько банок консервов, и блок сигарет. Развернула целлофан, извлекла оттуда пачку, и, накинув бушлат на плечи, вышла на улицу.

Небо над головой было высоким, почти черным, с яркими фонариками далеких мерцающих звезд. Тонкий серпик народившегося месяца выплыл над притихшей тайгой. Рожки месяца были немного опущены вниз, значит снежным будет месяц. Но, зато, и крепких морозов не будет. К чему-то вспомнила свою покойницу бабулю, которая учила меня определять по молодому ночному светилу, будет ли следующий месяц сухой, или пойдут осадки. «Повесь мысленно на нижний рожок ведро, до краев наполненное водой. – Поучала старушка. – И ежели водица прольется, значит жди или дождей, или снегов. А ежели ведро висит без наклона, и вода не выплескивается, значит месяц будет без осадков». Эх, сколько всего знали наши бабушки и дедушки! Сколь мудры и рассудительны они были – не нам чета!

Я достала из пачки сигарету и прикурила. Над всеми избушками в небо поднимался печной дымок, но света в окошках не было. Все спали. Что ж мне-то не спится?! Не докурив сигарету, выбросила окурок и поморщилась. Терпеть не могла табачного дыма. От какого-то чувства неприкаянности хотелось завывать на луну, громко жалобно и тоскливо. Зябко передернула плечами, и пошла к импровизированной конюшне. Мужики приладили к моему гаражу надежные ворота, специально из-за Люськи. Все ж, тайга кругом, и дикого зверя полно. А собак на нашей базе не водилось, предупредить о звере было некому. Лошадь сквозь запертые ворота почувствовала мое приближение и тихонько зафыркала. Я осторожно, стараясь не шуметь, отворила затвор и вошла в гараж. Лошадка потянулась ко мне мордой, обдав теплым дыханием, положила голову на плечо и замерла так. Я поглаживала Люську и тихо приговаривала:

– Ну, и что нам с тобой делать теперь? Как ты думаешь, с ним все будет хорошо? – Люська тихонько фыркнула. – Я тоже так думаю, а все равно, на сердце беспокойно.

Кобылка затрясла головой, словно, осуждая меня. С вопросами пристаёт, а где же угощение?! Я достала из кармана кусочек сахара и протянула подруге. Похлопала ее по шее, вышла, тщательно запирая за собой большую тесовую створку ворот, и направилась к своей домушке. Спать легла, потому что надо. Но сна не было ни в одном глазу. Бараны разбегались, слоны, вообще, куда-то попрятались, и даже таблица умножения несколько не помогала. И я принялась едва слышным шепотом декламировать стихи.

*– Она сидела на полу
И грудю писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.
Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...*

Как ни странно, но Федор Иванович Тютчев мне помог. Я не могла бы сказать, почему мой выбор пал на великого поэта и дипломата, а тем более, на это печальное стихотворение, в котором была такая щемящая тоска предстоящей разлуки. Но, как бы то ни было, вскоре веки отяжелели, глаза закрылись, и я уплыла в сон, даже не заметив этого.

Он стоял посредине маленькой комнаты, и смотрел с грустью на меня. В окошко падал чуть голубоватый свет молодого месяца, и вся его фигура была, словно в плащ, завернута в этот неясный призрачный, похожий на дымку свет. Глаза его с такой любовью смотрели на меня, что я не выдержала и тихонько заплакала. То ли от счастья, то ли от боли. Он склонился надо мной и его губы едва коснулись моих губ. Провел ладонью, чуть касаясь пальцами по моему лицу, и, едва слышно, прошептал:

– Не бойся, я с тобой... Я всегда буду с тобой...

Его образ стал таять, словно растворяясь в серебристо-голубом свете, сам становясь этим светом. А я закричала, захлебываясь от отчаянья слезами, не в силах его удержать, бесполезно лова воздух руками на том месте, где он только что стоял:

– Нет...!!! Не уходи...!!! Не оставляй меня...!

Я соскочила со своей шконки, испуганно озираясь. Сердце колотилось где-то в горле, грозя немедленно выскочить. Щеки были мокрыми от слез. Несколько секунд я заполошно оглядывалась. В избушке никого не было. Дрова в печке прогорели, и рдеющие угли загадочно мерцали сквозь щель в дверце.

– Сон. Это был просто сон... – Я произнесла это вслух, чтобы услышать хоть какой-нибудь звук.

Но, я уже точно знала, что это был совсем не ПРОСТО сон. Олег приходил прощаться. Меня подбросило, будто пружиной. Пospешно натянула брюки, затем, путаясь в рукавах,

надела поверх футболки свитер. Всунула ноги в ботинки, вытащила из-под подушки свой нож, привычным движением, засунув его за голенище. Сняла со стены карабин, проверила заряд. Руки действовали словно сами по себе, на автомате, без участия разума. Я решительно напялила бушлат, взяла с гвоздика ключи от УАЗика, и стремительно вышла в морозную ночь. Ехать решила на машине по просекам, а дальше уже на лыжах.

Люська в гараже зафыркала и даже собралась заржать, но я на нее цыкнула.

– Чего возбудилась-то? Мужиков всех перебудишь, а им завтра с утра на работу! Совесть у тебя есть? – Кобылка затрясла виновато головой. Я понимала, что ее вины в этом нет. Она просто почувствовала мое нервное возбуждение, вот и отреагировала соответствующе. Я погладила ее по морде, и, словно оправдываясь, тихо проговорила. – На этот раз, ты остаешься дома. Мне надо быстро. А на машине по просекам я быстрее доеду, чем мы с тобой по снегу полезем, а там пару-тройку километров на лыжах добегу. Не волнуйся. Мне не впервой. – Люська опять пристроила свою голову на моем плече. Я ласково погладила шелковистую морду. – Ну, будет, будет... Я же не насовсем уезжаю. К утру вернусь... – И добавила, едва усмехнувшись. – Я надеюсь...

Закинула лыжи, стоявшие здесь же у стенок, в багажник, запустила двигатель и аккуратно выехала из гаража. Оставив машину прогреваться, пошла и закрыла ворота. Как бы я не спешила, но Люську оставлять на съедение волкам не собиралась. В столовой хлопнула дверь и на крыльце появился бдительный Василич.

– Мать, это ты? – Тревога в голосе завхоза слышалась нешуточная.

– Я, Василич, я... Чего всполошился? Ступай в дом, застудишься.

Василич поежился на морозе и пробурчал:

– Куда в ночь-то собралась? Аль случилось чего?

Я махнула рукой.

– Ничего не случилось. Надо мне. К утру вернусь. Ступай, ступай...

Села в машину и, не дожидаясь вопросов от своей въедливой няньки, плавно тронулась. Двигатель урчал сытым зверем. Постепенно в кабине стало тепло. За окнами скользили деревья, словно в немоном черно-белом кино. Зимник был накатан довольно прилично, и до поворота на просеку я долетела в один миг. Но на просеке пришлось скорость сбавить. Снежная целина была обманчива, скрывая под своим ровным покровом и пни, и коряги и всякие другие препятствия в виде буераков и ям. УАЗик трясло и подбрасывало на кочках и колдобинах. Он поскрипывал железом, словно жалуясь мне на свою нелегкую участь.

Я уже почти доехала до того места, от которого мне предстояло идти на лыжах, когда в ночное небо устремился радужный столб. Я притормозила, залюбовавшись чудесной картиной. Свет на мгновение погас, и стал «оплавляться», как тонкая восковая свеча, нарастая по бокам «потеками» света. Я уже знала, что это означает. Кто-то вышел из врат. Мне захотелось не просто быстро поехать, захотелось полететь на крыльях, которых у меня, увы, не было. Мысленно прикинув расстояние, подумала, что особенно торопиться мне не стоит. За то время, пока Олег (если, конечно, это был он) дойдет до своей заимки, я тоже к тому времени туда должна попасть.

Вскоре, я увидела большую поваленную ель, лежащую вдоль просеки. Ее почти вырвало с корнем какой-то бурей несколько лет назад, после того как прорубили просеку, создав тем самым эффект аэродинамической трубы. Вот старое дерево, привыкшее жить в окружении своих детей и внуков, не выдержало одиночества. Но, все же, свирепые ветра не смогли полностью погубить старушку-ель. Ей пришла на помощь, кто бы мог подумать, тоненькая рябинка, росшая под ее сенью. Она подставила свое гибкое тело-ствол, подпирая упавшую ель. При этом сама очутившись почти на земле, она все равно продолжала упрямо жить, протягивая свои молодые ветки сквозь густую хвою своей соседки. Часть корней ели, остались в земле, и дерево продолжило жить. Хоть уже и не так гордо ель могла возноситься над окружающим лесом, но

все же продолжало жить, и родить шишки, и разбрасывать свои семена, чтобы возросло рядом новое потомство, продолжая круг жизни.

Для меня эта ель была не только указателем, но и неким назиданием, напоминанием того, что как бы человек высоко не вознесся, чего бы не достиг в своей жизни, никогда не стоит забывать об остальных людях, которые окружают тебя, и в тяжкий час бури, которая захочет тебя уничтожить, подставят свое плечо, как эта рябинка, не позволив упасть.

Остановив машину, достала из багажника лыжи, с заднего сиденья взяла карабин, надев его ремень наискосок через плечо, чтобы не мешал при ходьбе. Оставив ключи в машине, осторожным скольльзящим шагом направилась в сторону заимки Прона. Взобравшись на последнюю горку, я с облегчением увидела ровное сияние защиты дома. Значит, все должно быть в порядке. Сильно оттолкнувшись от небольшого деревца, я заскользила вниз, лавируя между деревьями и высокими куртинами кустарника. На опушке остановилась, чтобы перевести дыхание, и тут же увидела на белом снегу темную фигуру медведя. Асхат встречал меня. Но, по своему обыкновению, он не приветствовал меня, а просто побежал впереди, изредка останавливаясь и оглядываясь, будто проверяя, следую ли я за ним. Это меня, конечно насторожило, и, должна сказать, очень сильно. Все мои попытки проникнуть в голову зверя наткнулись на глухую стену. Словно это был и не Асхат вовсе, а какой-то чужой, совершенно посторонний зверь.

В окне слабо горел огонек керосиновой лампы. Значит, хозяева не спали. Ну, это было и понятно, если только что кто-то вернулся из врат. Но на крыльце, как я ожидала, меня никто не ждал, и тревога снова зашевелилась, как проснувшаяся змея. Скинув лыжи у самого крыльца, я поспешно поднялась на крыльцо и безо всякого стука, можно сказать, ворвалась в избу. У стола, облокотив голову на одну руку в скорбной позе, сидел Прон. При моем появлении он слегка вздрогнул, словно проснулся и посмотрел на меня молча тоскливыми глазами. Его взгляд сказал мне все. Олега здесь не было.

Я, прикрыв за собой дверь, уселась на краешек лавки, и, едва слышно, спросила:

– Что... – Голос прозвучал, будто шуршание мыши в углу за печью, едва слышно.

Прон молча смотрел на меня, в глазах была затаенная печаль. Он вздохнул тяжело, поднялся из-за стола, и проговорил спокойным голосом:

– Давай-ка выпьем с тобой чая... – И пошел к печке.

Я даже сначала не поняла, что он сказал. Выпьем чая? Какого, к чертям собачьим, чая???!!!! Мне хотелось заорать, что-нибудь разбить, разгромить, сломать!!! Закусив губу до крови, я сдержала рвавшийся наружу вопль. Поднялась, сняла со спины карабин, скинула бушлат на лавку, и опять села. Меня всю трясло мелкой дрожью, руки ходили ходуном, и я сжала их в кулаки, чтобы не видеть трясущихся пальцев. Сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, и только потом заговорила очень тихо, едва слышно, обращаясь к склоненной над плитой спине старца.

– Я видела выброс энергии врат. Кто-то вышел из них.

Не оборачиваясь, Прон проговорил:

– Это я выходил. Я настоял, чтобы повидаться с Олегом после Совета. В конце концов, он мой ученик, и совет не смог отказать мне в этом. – Потом медленно повернулся ко мне и проговорил, словно стараясь меня в чем-то убедить. – С ним все в порядке. Его не лишили памяти.

Я, едва заметно, выдохнула, с надеждой посмотрела на старика и робко улыбнулась. Губы дрожали, а на глаза навернулись слезы. Я сидела и молча их глотала, не в силах вымолвить ни слова. Прон поставил на стол две кружки с чаем, и я схватилась за одну из них, словно это был мой последний шанс на спасение. Руки по-прежнему тряслись, и я так и не сумела поднести кружку ко рту. Просто держала ее обеими ладонями и молча плакала. Старец посмотрел на меня сверху вниз, опять тяжело вздохнул, и уселся за стол напротив меня.

– Ты должна понять, Совет – это не игрушки. Речь идет не только о их безопасности, речь идет о безопасности нашего мира. Поэтому были приняты столь жесткие и строгие законы. Нарушение этих законов жестко карается. Иначе просто нельзя. Они не стерли ему память, но запретили сюда возвращаться. Он должен выполнить определенное задание, искупить свою вину. Я хочу, чтобы ты знала, что любого другого посвященного за подобное, сразу бы лишили памяти, не посмотрев даже на его героические подвиги по спасению мира от катастрофы. Но, Олег – Вага, и Совет это учел. А теперь, нам просто нужно набраться терпения и ждать. Когда он исполнит возложенное на него Советом, он вернется.

Он замолчал и потянулся за своей кружкой. А у меня словно камень с души упал. Главное – он жив и с ним все хорошо. И он справится, обязательно справится. Он сильный. Он сможет все. А я подожду. Я умею ждать. И терпения мне не занимать. Я, наконец, разжала руки, сжимающие кружку с чаем, встала из-за стола и подошла к умывальнику. Плеснула несколько горстей воды себе в лицо. Вода помогла мне немного успокоиться и привести чувства в порядок. Вернулась за стол, и посмотрев на Прона долгим взглядом, спросила:

– Ты знаешь, что это за задание и куда его отправили?

Старец отрицательно покачал головой и тихо проговорил:

– Ему запрещено было говорить об этом. Ему даже не позволили выйти через ворота Медвежьего Яра, провели куда-то совсем другим путем. У нас было всего несколько минут, чтобы попрощаться. – Он на секунду замолчал, словно, сомневаясь, стоит ли мне говорить остальное. А потом, решившись, продолжил чуть ворчливым тоном. – Олег просил присмотреть за тобой. Хотя, я и без его просьб знаю, что мне делать.

Он замолчал, настороженно глядя на меня. Я горько усмехнулась.

– Со мной он тоже попрощался... Правда, только во сне.

Я протерла лицо руками, словно сгоняя с него следы своих метаний и сомнений, и заговорила уже совсем другим голосом:

– Знаешь, моя бабуля говорила всегда, что все, что ни делает Бог, все к лучшему. Похоже у нас скоро появится соглядатай. И то, что они здесь не увидят Олега, это к лучшему. А мы что? Ты просто знахарь, сидящий бирюком в своей избе, а я баба на лесозаготовках. Что с нас взять? – И я рассказала Прону о новом егере, который должен был здесь появиться со дня на день.

Старец меня внимательно выслушал, сгреб пятерней свою бороду, как всегда делал в минуты раздумий, и проговорил с легкой усмешкой:

– А ты права, дочка. Все идет, как должно. Может Совет предполагал такое развитие событий, и поэтом и принял такое решение? – Вопрос был риторическим, но на всякий случай, я кивнула головой. А Прон продолжил свою мысль. – Наверняка, это соглядатай. И, скорее всего, это Копейщики. Больше некому. – Он подергал свою бороду и заговорил быстро, напористо, будто убеждая самого себя. – Не зря Совет запретил мне к воротам приближаться некоторое время. Ох, не зря!! Мы сейчас должны затаиться, как мыши под веником, словно, зная ничего не знаем и ведать не ведаем. Тут ты права! Я просто знахарь, а ты... – Он на секунду замялся, и продолжил с легкой улыбкой. – А ты – просто лесозаготовитель. И ничего странного не будет в том, что ты будешь изредка навещать старика на его заимке. Все в деревне знают, что ты травками лечишь. Вот мы и будем с тобой обмениваться опытом. – И он мне озорно, совсем по-мальчишески, подмигнул. И чем быстрее они убедятся в этом, тем быстрее утратят интерес к Медвежьему Яру, и тем быстрее уберутся отсюда вон!

Я покивала головой, на сей раз, совершенно искренне соглашаясь с его размышлениями. Но, все же высказала вслух свои сомнения.

– Не думаю, что они так просто от нас отстанут. Ведь, то, что случилось с экспедицией надо как-то объяснить. А если кто-то из оставшихся в живых все же придет в себя и расскажет обо всем случившемся? Ведь это вполне вероятно, при современных-то технологиях, вернуть

память, скажем, тому же Елезарову. Насколько я могу судить, он утратил дар речи от шока. А если с ним грамотно поработают специалисты? Нет... Вариантов много. И поэтому, нам надо быть настороже. Ведь даже если кто-то и что-то вспомнит, то тебя здесь и рядом не было. А про меня они знают только то, что сами же силой меня втащили в эти врата. А я могу вообще ничего не помнить. Упал, потерял сознание, очнулся, гипс... Ну, ты понимаешь, о чем я говорю.

Это был весьма странный разговор. Прон старался убедить меня, а я старалась в том же самом, убедить его. И только наша некая растерянность от происшедшего с Олегом могло объяснить подобную бестолковость и суетность наших разговоров. На прощание я еще раз со скрытой надеждой спросила Прона, стараясь заглянуть ему в глаза:

– Тебе точно неизвестно, какое поручение Олегу дал Совет?

Тот молча покачал отрицательно головой не пряча взгляда, что свидетельствовало, что старец тоже ничего не знает. Но, по крайней мере, ему удалось с ним попрощаться. А мне... Я прервала собственные горестные мысли. Мне тоже удалось. Пусть совсем не так, как мне того бы хотелось, но Олег попрощался со мной, придя ко мне в моем полусне, полуяви.

Я возвращалась к машине в сопровождении Асхата. Медведь был угрюм, и, по-прежнему, не пускал меня в свои мысли. Думаю, он переживал не меньше меня об уходе Олега. Наверное, ему казалось, что друг его бросил. Мне очень хотелось утешить косолапого, и я заговорила вслух, пытаясь одновременно создавать мысленно образы того, о чем говорила. Вдруг медведь захочет понять?

– Не расстраивайся, лохматый братец. Нас не бросили. Совет ему задание дал. Вот выполнит он задание, и к нам вернется. Надо только терпения набраться, и подождать. Он вернется и все будет хорошо! – Медведь посмотрел на меня и коротко рявкнул. – Понимаю, родной. И мне больно. Еще как, больно... – Я вроде бы собралась опять заплакать при этих словах. Взяла горсть снега и растерла им лицо. Помогло. И я спокойно продолжила. – Тут вот еще что... Егеря у нас здесь скоро объявятся. Не знаю, как насчет егеря, а что шпион, это точно. Ты бы поосторожней, братец, не уходил бы далеко от избы. Кто его знает, этого «егеря», на что он способен. Нам надо до возвращения Олега продержаться.

Медведь уселся на задние лапы, а передними стал, словно человек, тереть морду, при этом тихонько раскачиваясь и подвывая, как бабка-плакальщица. Если бы сама не видела, ни за что бы не поверила, что медведь способен на такое проявление своих эмоций. Скинув лыжи, я подскочила к косолапому страдальцу и обняв его за шею все же расплакалась, уткнувшись в густую медвежью шерсть, пахнущую морозной тайгой.

Глава 8

Я успела вернуться к самому рассвету. Василич встретил меня, стоя на крыльце, окинул хмурым взглядом, и пробурчал:

– Давай в избу... Завтрак стынет. – И вошел в столовую, прикрыв дверь с громким хлопком.

Когда мой завхоз был в таком настроении, я знала, что с ним лучше не шутить. Скорее всего, после моего отъезда он не сомкнул глаз. Ох ты, Господи... И тут виновата. Я вошла тихой лисичкой, помыла руки, и села за стол. Василич поставил предо мной кружку кофе, горячие оладьи, мисочку со сметаной. И все это – не глядя на меня. Я заговорила просительным жалобным голоском:

– Василич, родненький, ну прости. Не хотела тебя волновать. Дело у меня срочное в лесу было. А объяснять, что, да почему времени не было. Не сердись. Ну, сам посуди, что со мной может случиться? Заблудиться не заблужусь, да и со зверем диким всегда договориться смогу, карабин всегда со мной. Не сердись, ладно? – Потом, вздохнула тяжело, и закончила уже совсем другим тоном. – Итак тошно, сил нет, а тут еще тебя уговаривай.

Старик глянул на меня уже без былой суровости. Вздохнул тяжело, и присел рядом на лавку, стараясь заглянуть мне в глаза.

– Так, мать, я чего... Я ничего... Рази ж много прошу, или в дела твои какие лезу? Мне ж только всего и надо, чтоб сказала куда на сколько едешь. Тайга ж кругом, мать ее етить! А ежели случится чего?! Даже не будем знать в какой стороне искать!! Как вон в прошлый раз? Ведь чуть ума не лишились, пока ты за беглыми-то гонялась! А сейчас что, опять, снова-здорова?! – И он горестно всхлипнул.

Я, проклиная себя за эгоизм и бессердечность, преисполнившись чувством вины, приобняла старика за плечи, и зашептала тихо, тихо.

– Ну, прости, прости, Христа ради... Последний раз. Ведь ночь кругом, будить, тревожить не хотела. Ты вон и так целыми днями на ногах. Ладно, Василич, мир! – И я протянула ему ладонь.

Он покосился на меня настороженно. Но я смотрела на него честными глазами, преисполненная искренним раскаяньем. Он шмыгнул еще разок и пожал протянутую ладонь. И тут же начал строго ворчать.

– Ты давай, ешь, чтобы все съела, пока не остыли. А то опять сейчас упорхнешь куда и целый день голодная пробегаешь опять. Знаю я тебя! Ешь, кому велено!

Я не заставила себя уговаривать, так как действительно, после ночной беготни по лесу была голодная, как волк. Василич глядя на меня, как я уплетаю за обе щеки его стряпню, счастливо вздохнул, и смахнул набежавшую слезу умиления. Ну ни дать, ни взять, бабуля, глядящая на своего беспутного и оголодавшего внука. На улице послышались хлопанья дверями, голоса, проснувшихся мужиков. Вскоре, в столовую просунулась из двери голова Кольки сучкоруба. Его нос шевелился смешно, словно у медведя, почуявшего что-то вкусное. А я при виде этой картины, не удержалась, и прыснула со смеху. Колька, заметив меня, смутился.

– Доброе утро, мать! Василич, чего у нас на завтрак. – Взгляд его упал на миску с остатками оладий. – О-о-о... Оладушки... – Восторженно протянул он.

Но Василич прервал его восторженность на корню.

– Ага, оладушки... – Передразнил очень похоже Кольку. – Оладушки для матери. На вашу ораву не напасешься. А для вас вон, каша с мясом, да пряники к чаю.

Колька просочился тихой мышкой в двери, встал у порога, и покладисто кивнул головой:

– Чего злишься -то? Каша – тоже хорошо, а пряники – еще лучше. Так я чего, мужиков зову?

Василич от такой покладистости подобрел, и уже спокойно проговорил:

– Зови, зови... Пока не остыло все.

Я, схватив еще одну оладью из миски, сунула ее в миску со сметаной, и, уже на ходу, затолкала себе в рот, сграбастала кружку с кофе, и поднялась из-за стола.

– Спасибо, Василич. Кофе у себя допью. Корми мужиков.

И направилась в свой домик, уже не прислушиваясь к ворчанию завхоза, который бубнил что-то на тему, что вот, мол, шастают тут всякие, человеку, мол, спокойно поесть не дают.

День пошел по накатанной колее. Отправилась в новую деляну вместе с Андреем и до обеда лазили с ним по сугробам, выбирая место для верхнего склада. Мыслями я все время была где-то рядом с Олегом. А еще, вторые сутки без сна давали о себе знать, поэтому, была слегка рассеяна и не собрана. Андрей изредка посматривал на меня вопросительно и сочувственно, но комментировать мое состояние не стал. И на том, как говорится, спасибо. Приехав на базу, обнаружили, что подошли машины на погрузку, и Андрюшка благородно предложил поехать с ними один.

– Мать, ты бы пока отдохнула. А с погрузкой я и один справлюсь. – Осторожно заметил он, увидев мой обреченный взгляд.

Конечно, это было против правил. Зимой на погрузке обязательно должны быть два человека. Это правило ввела я сама, много лет назад, и сама же неукоснительно его соблюдала. Бревна были замороженные, скользкие, поэтому опасность несчастного случая возрастала в

два раза. Но, подумав немного, согласилась, на то, что мастер возьмет в качестве учетчика кого-нибудь из бригады. И я осталась на базе. Василич, все это время терся рядом, пытаюсь услышать нашу беседу. Когда понял, что я остаюсь выдохнул с облегчением, показав при этом большой палец Андрею. На что тот, ему подмигнул. Я только головой покачала. Вот же еще, заговорщики-то где нашлись! Ведь, наверняка, все обсудили заранее! Под моим строгим взглядом, Василич рванул резвой козочкой к себе в столовую. А Андрей, запрыгнув в кабину «Урала», махнул мне на прощанье рукой и прокричал:

– Не волнуйся!! Все будет хорошо!!

Я ответила ему поднятием руки, и дождавшись, когда три лесовоза с громким урчанием скроются за поворотом, побрела к себе в домушку. Ноги я, действительно, передвигала еле-еле, так что решение, скорее всего, было правильным. Особо не раздеваясь, только скинув бушлат и ботинки, я легла на свою шконку поверх покрывала и прикрыла глаза.

Глухие еловые корбы, душный воздух, как перед грозой, и тропинка под ногами, теряющаяся среди густых глубоких мхов. Мертвая тишина, и только где-то, будто издалека, было слышно, как падают капли скопившейся влаги с лохматых еловых веток. Я стояла, настороженно прислушиваясь к какому-то нарастающему гудящему звуку. Как будто, приближалась машина, урча работающим двигателем. У меня успела мелькнуть мысль, что здесь, в глубине старых ельников, и дорог-то никаких не было. И тут же, громкий стук в дверь заставил меня заголошнеть подскочить на кровати.

В дверь настойчиво тарабанили, и голос лесничего выводил:

– Катерина Юрьевна!! Встречай гостей!!

А следом ему вторил шипящей рассерженной змеей, голос моего завхоза:

– Сан Саныч, побойся Бога!! Мать уж которые сутки на ногах! Дайте же бабе наконец отдохнуть, имейте совесть!!

Я, натываясь спросонья на две несчастные табуретки, попавшиеся мне на пути, рванулась к дверям, и распахнула их на всю ширину.

– Что случилось?! – Увидела Саныча с виноватой улыбкой на челе, а за ним голову маячившего Василича. Протерла руками лицо, сгоняя остатки сна, и пробурчала. – Гостям всегда рады... – И потом, со значением глядя на завхоза, добавила. – Правда, Василич?

Василич мгновенно изменил недовольное выражение лица на, почти, счастливое, и закивал китайским болванчиком:

– Истину, говоришь... Рады... Всегда рады... Ну, дак я пошел? Соберу что-нибудь на стол по-быстрому...

Я усмехнулась про себя, а вслух произнесла:

– Ступай, Василич, ступай... Собери...

Сделала широкий приглашающий жест лесничему, мол, милости просим. Но, Саныч, смущенно, и, как-то виновато улыбаясь проговорил:

– Катерина Юрьевна, я не один к тебе пожаловал. – Затем, сделав несколько небольших шажков назад и в сторону, добавил. – Вот, новый егерь прибыл. Заехали специально познакомиться. В соседях с тобой жить будет, на заимке. Так я подумал, что надо бы к тебе заглянуть, чтоб значит, познакомить вас. – На последней фразе голос у лесничего зазвучал как-то по-другому, со значением, что ли.

Я увидела невысокого сбитого мужичка с небольшой бородкой, колючими маленькими глазками и копной темных волос, словно припорошенных снегом седины. Он мне радостно улыбался, но глаза при этом оставались неподвижными, холодными и цепкими, как колючки репейника по осени. Я слегка притормозила с выражением гостеприимства. Как известно, мой дом – моя крепость. И впускать в свою домушку кого попало у меня не было ни малейшего желания. С порога я крикнула в спину удаляющемуся Василичу:

– Василич!!

Он остановился, повернулся в мою сторону и бодро выкрикнул:

– Чего?

– Проводи гостей в столовую, прими, как положено, за столом. А я сейчас, только обуюсь!

Завхоз закивал головой, и остановился в ожидании, пока гости к нему подойдут. Новоиспеченный егерь, оглядываясь на Саныча, неспеша побрел в сторону ожидавшего его Василича. А Саныч на его вопросительные взгляды, торопливо проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.